

Кафедра истории русской литературы и журналистики

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ И. С. ТУРГЕНЕВА

Учебно-методическое пособие

Москва, 2017

Факультет журналистики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

ББК 76
Т52

Рекомендуется для направления подготовки 031300 «Журналистика» (очно-заочная форма обучения).

Квалификация (степень) выпускника: бакалавр.

Рецензенты:

*кандидат филологических наук, доцент Г. С. Лапшина,
доктор филологических наук, профессор В. Я. Линков,
доктор филологических наук, профессор Е. И. Орлова*

Т52 Толоконникова И. В.

Творческий путь И. С. Тургенева: учеб.-метод. пособие. – М.: Ф-т журн. МГУ, 2017. – 84 с.

Данное учебно-методическое пособие написано на основе лекций, прочитанных автором в течение нескольких лет на дневном, вечернем и заочном отделениях факультета журналистики МГУ. В него также вошли и не использованные в лекциях дополнительные материалы о творчестве Ивана Сергеевича Тургенева.

Пособие предназначено для студентов второго курса (4-й семестр) факультета журналистики МГУ и всех интересующихся творчеством И. С. Тургенева.

ББК 76

© И. В. Толоконникова, 2017

© Факультет журналистики МГУ, 2017

Введение

Творчество Ивана Сергеевича Тургенева стало своеобразной художественной летописью, запечатлевшей жизнь России в течение довольно длительного периода времени. В его произведениях отразились важнейшие этапы развития русского общества середины XIX века, начиная со студенческих кружков Московского университета 1830-х годов и кончая движением революционеров-народников в 1870-е годы. Произведения Тургенева всегда были теснейшим образом связаны с современностью, с насущными вопросами русской действительности. Не случайно Тургенева называли хроникёром общественно-политического движения. В его романах встречаются и славянофилы, и западники, и либералы, и консерваторы, и революционеры, и реакционеры.

«Он быстро угадывал новые потребности, – писал Н. А. Добролюбов, – новые идеи, вносимые в общественное сознание, и в своих произведениях непременно обращал (сколько позволяли обстоятельства) внимание на вопрос, стоявший на очереди и уже смутно начинавший волновать общество»¹.

«Живое отношение к современности <...> упрочило за ним постоянный успех в читающей публике»².

Добролюбов отмечал и другие достоинства таланта Тургенева: «чутьё к тончайшим поэтическим оттенкам жизни», «острый психический анализ», «глубокое понимание невидимых струй и течений общественной мысли», «дружелюбное и вместе смелое отношение к действительности»³.

Ни одного сколько-нибудь значительного события общественной и литературной жизни не проходило мимо внимания писателя.

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 3 т. – М.: ГИХЛ, 1952. – Т. 3. – С. 30..

² Там же. – С. 31.

³ Там же. – С. 28.

«В современном русском обществе едва ли найдётся хоть одно крупное явление, к которому Тургенев не отнёсся с изумительнейшею чуткостью, которого он не пытался истолковать»⁴, – писал М. Е. Салтыков-Щедрин в 1883 году в заметке, посвящённой только что умершему Тургеневу.

А ещё раньше – в письме к П. В. Анненкову от 3 февраля 1859 года, – находясь под впечатлением прочитанного им тогда романа «Дворянское гнездо», Салтыков-Щедрин так охарактеризовал Тургенева-писателя:

«Да и что можно сказать о всех вообще произведениях Тургенева? То ли, что после прочтения их легко дышится, легко верится, тепло чувствуется? Что ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора? Но ведь это будут только общие места, а это, именно это впечатление оставляют после себя эти прозрачные, будто сотканные из воздуха образы, это начало любви и света, во всякой строке бьющее живым ключом <...>»⁵.

⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. В 20 т. – М.: Худ. лит., 1970. – Т. 9. – С. 457.

⁵ Там же. – Т. 18. – Кн. 1. – С. 212.

Факты биографии И. С. Тургенева

Прежде всего следует сказать о его родителях.

Мать писателя – Варвара Петровна, урождённая Лутовинова (1787-1850), – женщина образованная (в частности, она дружила и переписывалась с В. А. Жуковским), но властная и деспотичная, выведенная им в образе безымянной жестокой барыни в повести «Муму».

Жизнь Варвары Петровны была нерадостной. Рано потеряв отца (родилась уже после его смерти), она до восьми лет жила под присмотром своих тёток, а после второго брака матери, ненавидевшей дочь, воспитывалась в семье отчима, где чувствовала себя чужой и нелюбимой. Кроме постоянных унижений и оскорблений, на её долю выпадали даже побои. Не выдержав притеснений, Варвара сбежала из дома и нашла приют у своего дяди – Ивана Ивановича Лутовинова, человека скупого, сурового и нелюдимого. Свою племянницу он держал в большой строгости, но по-своему заботился о ней: принял под свою защиту, отказался вернуть её в дом отчима, оплатил её образование.

Внезапная смерть дяди в 1813 году неожиданно превратила забитую и бесправную девушку в одну из самых богатых невест в округе, владелицу значительного капитала, огромных поместий и почти пяти тысяч крепостных крестьян. Кроме Орловской губернии, у Лутовинова были деревни ещё и в Калужской, Тульской, Тамбовской, Курской губерниях.

Перенесённые страдания не лучшим образом сказались на характере Варвары Петровны. Она была жестокой крепостницей, и Тургенев прозвал матушку «Салтычихой»⁶. С сыновьями

⁶ Дарья Николаевна Салтыкова, по прозвищу Салтычиха (1730–1801), – русская помещица, вошедшая в историю как садистка и убийца подвластных ей крепостных крестьян. В частности она могла облить жертву кипятком или привязать голую на морозе, опалить ей волосы на голове. Она часто была крепостных головой о стену, морила людей голодом. Очевидно, Салтычиха была психически больным человеком с диагнозом «эпилептоидная психопатия».

Решением Сената и императрицы Екатерины II Салтыкова была лишена достоинства столбовой дворянки и приговорена к пожизненному заключению в монастырской тюрьме, где и умерла.

у неё были сложные отношения. Не удивительно, что у Ивана Сергеевича не осталось ни одного светлого воспоминания ни о детстве, ни о матери, и впоследствии он очень холодно относился к ней и не стремился к общению.

Варваре Петровне хотелось держать в своих руках не только сыновей, но и их семьи. Она строго контролировала семейные финансы. Иван Сергеевич зависел от неё материально и, будучи уже взрослым человеком, был вынужден вымаливать у неё деньги и терпеть её самодурство.

С другой стороны, будучи сама образованным человеком, она стремилась дать своим детям хорошее образование.

Варваре Петровне было уже тридцать лет, когда она познакомилась с молодым офицером **Сергеем Николаевичем Тургеневым** (1793-1834). Он происходил из старинного дворянского, но обедневшего рода. Герой Отечественной войны 1812 года, Сергей Николаевич был красив, изящен, умён. На Варвару Петровну он произвёл неотразимое впечатление.

Несмотря на то, что невеста была на шесть лет старше его и очень некрасива (единственным украшением её лица были большие, лучистые глаза), Сергей Николаевич недолго думал. Он был расчётлив, и богатство Варвары Петровны определило его решение.

В начале 1816 года состоялось бракосочетание, и молодые поселились вначале в Орле, затем в родовом имении Лутовиновых – Спасском-Лутовинове. Варвара Петровна вышла замуж по любви, за того, кого выбрала сама, что в те времена бывало достаточно редко. И в первые годы жизни брак их был даже относительно счастливым.

Сергей Николаевич жил так, как ему хотелось, не обременяя себя заботами ни о семье, ни о хозяйстве.

С отцом у Ивана Сергеевича были непростые отношения. Вот как об этом рассказывал герой во многом автобиографической повести «Первая любовь», выражая мысли и чувства автора:

«Странное влияние имел на меня отец, и странные были наши отношения. Он почти не занимался моим воспитанием, но никогда не оскорблял меня, он уважал мою свободу – он даже был, если можно так выразиться, вежлив со мною... только он не допускал меня до себя. Я любил его, я

любовался им, он казался мне образцом мужчины – и, боже мой, как бы я страстно к нему привязался, если бы я постоянно не чувствовал его отклоняющей руки!.. Бывало, стану я рассматривать его умное, красивое, светлое лицо... сердце моё задрожит, и всё существо моё устремится к нему... он словно почувствует, что во мне происходит, мимоходом потреплет меня по щеке – и либо уйдёт, либо займётся чем-нибудь, либо вдруг весь застынет, как он один умел застыть, и я тотчас же сожмусь и тоже похолодею» (6, 296)⁷.

Однако под конец их совместной жизни Варвара Петровна охладела к мужу. Следует отметить, что отношения между супругами не были идеальными. Сергей Николаевич часто изменял жене, и ей это было известно.

В начале 1830-х гг. Сергей Николаевич тяжело заболел, и в доме Тургеневых появился новый человек – молодой врач Андрей Евстафиевич Берс (1808-1868). Впоследствии одна из его дочерей – Софья Андреевна (1844-1919) – стала женой писателя Льва Толстого и автором воспоминаний о нём. Возможно, желая отомстить супругу за прежние его измены, Варвара Петровна начала роман с молодым врачом. Почти двадцатилетняя разница в возрасте её не остановила. Плодом этой любви стала внебрачная дочь Варвара (1833-1900), родившаяся ещё при жизни Сергея Николаевича.

Следуя правилам светского общества, Варвара Петровна дала дочери фамилию и отчество не родного отца, который впоследствии женился на другой женщине, а крёстного – соседнего помещика Николая Богдановича. Она была оформлена как сирота и числилась в доме родной матери как воспитанница. Таким образом, по матери Варвара Николаевна Богданович (в замужестве – Житова) была сводной сестрой И. С. Тургенева, а по отцу – С. А. Толстой. «Воспитанницу» мать любила и баловала, в отличие от сыновей.

У Ивана Сергеевича были очень тёплые отношения с сестрой. Они вместе росли, впоследствии переписывались, он помогал ей материально.

⁷ Здесь и в дальнейшем все цитаты Тургенева приводятся изданию: *Тургенев И. С. Собр. соч. В 12 т. – М.: ГИХЛ, 1953–1958.* В тексте в скобках указаны номера тома и страницы.

Варвара Николаевна оставила «Воспоминания о семье И. С. Тургенева», которые являются ценным источником информации о Тургеневых. Они были впервые напечатаны в журнале «Вестник Европы» в 1884 году. Она бережно хранила всё связанное с жизнью и творчеством своего брата. У неё было несколько его портретов, наиболее ценным из которых считался юношеский портрет.

Варвара Николаевна получила прекрасное образование, в совершенстве знала три иностранных языка. Она преподавала французский язык и географию в прогимназии, писала рассказы, очерки, пьесы. Одним из учеников Варвары Николаевны был художник и академик Игорь Эммануилович Грабарь, который впоследствии с большой теплотой отзывался о ней.

30 октября 1834 года после тяжёлой болезни Сергей Николаевич скончался буквально на руках Ивана Сергеевича и был похоронен на Смоленском кладбище в Петербурге. Накануне, словно предчувствуя близкую смерть, он неожиданно горячо приласкал сына, что случалось крайне редко.

Варвара Петровна находилась тогда за границей и на похороны мужа приехать не смогла (возможно, и не стремилась). Она вернулась в Россию намного позже. Надгробный памятник мужу Варвара Петровна так и не удосужилась поставить. «Отцу в могиле ничего не надо», – уверила она Ивана. В итоге могила оказалась утерянной.

Детские впечатления будущего писателя были ужасны: он видел вокруг себя насилие над крепостными, наказания людей плетью, слышал крики наказуемых. Как уже говорилось, Варвара Петровна была второй Салтычихой. Она не выносила, если кто-нибудь осмеливался с ней спорить. И мальчик дал себе клятву никогда и ни при каких обстоятельствах не поднимать руки на крепостного человека.

В детстве Тургенев охотно общался с дворовыми людьми, от которых узнавал много нового и интересного: разные истории, рассказы, предания. Со временем он смог ближе познакомиться с простыми людьми и лучше узнать крестьянскую жизнь во всей её неприглядности.

Отвечая на вопросы историка литературы С. А. Венгерова, Тургенев писал ему 19 июня 1874 года:

«Ненависть к крепостному праву уже тогда жила во мне – она, между прочим, была причиной тому, что я, возросший среди побоев и истязаний, не осквернил руки своей ни одним ударом ...» (12, 459-460).

Впоследствии, вспоминая о юных годах, Тургенев писал, что его главным врагом было крепостное право:

«Под этим именем я собрал и сосредоточил всё, против чего я решился бороться до конца – с чем я поклялся никогда не примириться... Это была моя Аннибаловская клятва...» (10, 261).

После смерти матери в 1850 году Тургенев «немедленно отпустил всех дворовых на волю, пожелавших крестьян перевёл на оброк, всячески содействовал успеху общего освобождения...» (12, 460).

В доме Тургеневых была довольно большая библиотека, где Иван Сергеевич порой проводил целые дни. В немалой степени интерес к литературе будущего писателя поддерживала мать, которая много читала и прекрасно знала французскую литературу и русскую поэзию конца XVIII – начала XIX века. Матери надо отдать должное в том, что она уделяла много внимания воспитанию детей.

Тургеневу не было ещё и 15 лет, когда он, успешно сдав вступительные экзамены, стал студентом словесного отделения Московского университета. Правда, он там учился всего год. Затем в связи с семейными обстоятельствами (В 1834 году старший брат Николай был определён в Артиллерийское училище, и семья Тургеневых переехала в столицу) был переведён на филологическое отделение философского факультета Петербургского университета, где учился 3 года. Получил хорошее образование, познакомился с известными литераторами – В. А. Жуковским, В. Ф. Одоевским, А. В. Кольцовым, видел людей, которые имели огромное значение для всей его последующей жизни.

Однажды Тургенев лицом к лицу столкнулся с Пушкиным, которого боготворил. В январские дни 1837 года студент Иван Тургенев побывал на Мойке, 12, чтобы поклониться

праху убитого на дуэли поэта. Он попросил слугу Пушкина срезать ему на память локон волос поэта, положил его в медальон и хранил его всю жизнь. Сегодня этот медальон можно видеть в Тургеневском музее в Орле. Видел молодой Тургенев и М. Ю. Лермонтова.

В 40-е гг. в жизни Тургенева произошли два события, имевшие важное значение для всей его последующей жизни: знакомство с В. Г. Белинским, во многом повлиявшее на взгляды писателя (переход на позиции реализма, народности, отстаивание принципов простоты и ясности в искусстве), и знакомство с французской певицей Полиной Виардо.

В 1846 году Н. А. Некрасов и И. И. Панаев приобрели в аренду пушкинский журнал «Современник». Молодым писателям, отстаивавшим принципы реализма и демократизма в литературе, необходим был печатный орган, на страницах которого они могли бы свободно выражать свои позиции.

Тургенев принял активное участие в организации нового журнала. Первый номер «Современника» вышел в 1847 году, и рассказ «Хорь и Калиныч» – первый из цикла «Записки охотника» – стал подлинным его украшением. Тургенев активно сотрудничал с журналом и тогда, когда безвыездно жил за границей (1847-1850), и тогда, когда находился в ссылке в имении Спасское-Лутовиново (1852-1853) за публикацию в 1852 году некролога на смерть Гоголя. Тургенев назвал его великим человеком, «который своим именем означил эпоху истории в нашей литературе» (10, 322).

Впоследствии в «Современнике» были опубликованы такие тургеневские произведения, как рассказ «Муму», повести «Гамлет Щигровского уезда», «Дневник лишнего человека», «Затишье», «Ася», «Фауст», романы «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне».

В 1860 году произошёл разрыв Тургенева с журналом. Писатель не мог согласиться с «революционным» истолкованием его романа «Накануне» Н.А. Добролюбовым⁸ и просил Некрасова не печатать статью⁹. Но Некрасов думал иначе.

⁸ Имеется в виду статья Н. А. Добролюбова «Когда же иридет настоящий день?».

⁹ Сохранилась записка Тургенева: «Убедительно прошу тебя, милый Н[екрасов], не печатать этой статьи» (*Евгеньев-Максимов В.Е.* Некрасов и его современники. – Л., 1930. – С. 137).

«Выбирай: я или Добролюбов»¹⁰, – сказал Тургенев. Несмотря на то, что писателей связывала многолетняя дружба, Некрасов выбрал Добролюбова. Друзья на долгие годы расстались и помирились только перед смертью Некрасова: об этом рассказывается в тургеневском стихотворении в прозе «Последнее свидание» (1878).

Разрыв с журналом, у истоков которого он стоял и сотрудничество с которым длилось 15 лет, был очень тяжёл для Тургенева: ведь это был и разрыв с давними друзьями и соратниками, объединёнными памятью о В. Г. Белинском.

Статьи и рецензии Добролюбова вызывали несогласие не только со стороны Тургенева, но и других писателей, сотрудничавших в «Современнике». Вместе с Тургеневым из журнала ушли Л. Н. Толстой, И. А. Гончаров, А. Н. Островский, Д. В. Григорович.

Разрыв с «Современником», по словам Салтыкова-Щедрина, «убил его»¹¹. Хотя и сам Тургенев писал в 1865 году: «Моя песенка спета» (12, 356), высказывание Салтыкова-Щедрина представляется нам несколько преувеличенным. Просто у Тургенева был период кризиса, из которого он вышел, работая над романом «Дым». («Дым» был окончен в 1867 г.).

Что касается **творчества** Тургенева, то, по словам М. Горького, он оставил нам «превосходное наследство»¹². Но оно не только «превосходное», но и очень разнообразное, многожанровое: это и романы, и рассказы, и очерки, и пьесы, и стихотворения в привычном понимании этого слова, и стихотворения в прозе.

Ведущим жанром в творчестве Тургенева был роман. Надо сказать, что в те времена (да и позже) считалось, что настоящий писатель лишь тот, кто пишет романы. И так было вплоть до А. П. Чехова, который создал новую жанровую форму: рассказ с романным содержанием.

Итак, Тургенев был «настоящим писателем». Однако первыми его произведениями были не романы и даже не прозаические произведения, а стихи и повести в стихах.

¹⁰ Панаева А. Я. (Головачёва). Воспоминания / вступ. ст., ред. текста и коммент. К. И. Чуковского. – М.: ГИХЛ, 1956. – С. 276.

¹¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. – Т. 9. – С. 458.

¹² Горький М. История русской литературы. – М.: Худ. лит., 1939. – С. 176.

Тургенев написал первые стихи ещё в 1834 году, но только после 1843 года (после знакомства с В. Г. Белинским) литературный труд приобрёл основное значение в его жизни, он стал профессиональным писателем.

Интересно то, что Тургенев начал свою литературную деятельность со стихов и закончил её тоже стихами, но не обычными, а стихотворениями в прозе.

Периодизация творчества Тургенева

I. **1834 – 1846** (до «Записок охотника»).

II. **1847 – 1862** (начиная с «Записок охотника» и до романа «Отцы и дети» включительно).

III. **1863 – 1867** (после «Отцов и детей» и до романа «Дым» включительно).

IV. **1868 – 1883** (последние произведения, в частности «Новь» и «Стихотворения в прозе»).

Раннее творчество

Итак, в ранний период творчества Тургенев писал в основном стихи и поэмы. Сам он впоследствии весьма скептически относился к своим ранним лирическим произведениям, никогда не включал их в собрания сочинений. В 1874 году он писал С. А. Венгерову:

«Я чувствую положительную, чуть ли не физическую антипатию к моим стихотворениям – и не только не имею ни одного экземпляра моих поэм – но дорого бы дал, чтобы их вообще не существовало на свете» (12, 460).

Однако он был слишком суров и требователен к себе, а потому несправедлив. Среди них есть немало талантливо написанных стихотворений, многие из которых получили высокую оценку читателей и критики. Его стихи близки к поэзии А. А. Фета, в частности своей ассоциативностью, умением заражать читателя своим чувством.

*Долгие, белые тучи плывут
Низко над тёмной землёю...
Холодно... лошади дружно бегут,
Еду я поздней порою...
Еду – не знаю, куда и зачем.
После подумать успею.
Еду – расставшись со всеми – со всем,
Со всем, что любить я умею.
Молча сидит и не правит ямщик...
Голову грустно повесил.
Думать я начал – и сердцем поник –
Так же, как он, я не весел.
Осень... везде пожелтела трава,
Ветер и воет, и мчится.
Дрожью сокрытой дрожит вся душа,
Странной тоскою томится.
Смерть ли я вспомнил? Иль жаль мне моей
Жизни, изгаженной роком?
Тихо ямщик мой запел – и темней
Стало на небе широком.*

(1841)

В стихотворении, при всей его традиционности (пейзаж, печаль, тема дороги, грусть воспоминаний традиционны для русской поэзии), обнаруживается стремление к новой психологической разработке старых тем романтического одиночества, разочарования и т.п.

Поэт не просто говорит о том, что ему грустно, но и приводит соответствующие его настроению детали внешнего мира, которые как бы конкретизируют его чувства и вместе с тем и обобщают их, создавая у читателя ассоциации, основанные на его собственном жизненном опыте. Читателю кажется, что он не только узнаёт о переживаниях поэта, но и сам переживает эти чувства. Это важная особенность Тургенева-лирика.

*Ах, давно ли гулял я с тобой!
Так отрадно шумели леса!
И глядел я с любовью немой
Всё в твои голубые глаза.*

*И душа ликовала моя...
Разгоралась потухшая кровь,
И цвела, расцветала земля,
И цвела, расцветала любовь.*

<...>

*Как роскошно струилась река!
Как легко трепетали листья!
Как блаженно неслись облака!
Как светло улыбалась ты!
 Как я всё, всё другое забыл!
 Как я был и задумчив, и тих!
 Как таинственно тронут я был!
 Как я слёз не стыдился моих! –
А теперь этот день нам смешон,
И порывы любовной тоски
Нам смешны, как несбывшийся сон,
Как пустые, плохие стишки.*

(1843, июль)

Эти стихи овеяны грустью о прошедшей любви, об утраченных мгновеньях счастья; они передают горечь воспоминаний лирического героя, осознание невозможности возврата к прошлому. Лирический герой – человек со склонностью к самоанализу, утративший способность к непосредственному чувству и потому не знающий ни настоящей любви, ни подлинного счастья (Ср.: «Нет, не тебя так пылко я люблю...» М. Ю. Лермонтова). Но он уже не гордится своим отличием от «беспечных людей», а скорее завидует им («Толпа»).

Хорошо известно стихотворение Тургенева **«Утро туманное, утро седое...»**, положенное на музыку и ставшее одним из очень популярных романсов. Правильное его название – «В дороге».

*Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.*

*Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.*

*Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далёкое,
Слушая ропот колёс непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.*

(1843)

Впоследствии А. А. Блок взял первые строки («Утро туманное, утро седое») в качестве эпиграфа к своему «Седому утру» («Утреет. С Богом! По домам...», 1913). В 1920 году он издал сборник своих стихотворений 1907-1916 гг. под названием «Седое утро».

Эмоциональность ранней поэзии Тургенева, описания природы, ритмика и музыкальность обогатили русскую литературу. Не удивительно, что некоторые его стихи стали романами.

Поэтому объективно раннее поэтическое творчество – важная часть его литературного наследия, что бы он сам о себе ни говорил.

В этот же период Тургенев пишет свои поэмы, или, как он сам их называл, рассказы в стихах. Остановимся на одном из них – «Параша» (1843). Здесь явно чувствуется влияние пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин»: повествование ведётся с лирическими отступлениями, автор – друг героя и одновременно действующее лицо. В характере героини – уездной барышни с глубокой душой, полной внутренних тревог и ожиданий, – автор умышленно даёт почувствовать черты её великого прообраза – Татьяны Лариной. Даже то, что ей дано популярное в народе имя Параша (Прасковья), тоже роднит её с пушкинской героиней. Виктор Александрович, герой поэмы, напоминает Онегина – разочарованного героя, «лишнего человека». Кстати сказать, само происхождение этого словосочетания («лишний человек») справедливо приписывалось И. С. Тургеневу, так как в 1850 году он написал повесть под названием «Дневник лишнего человека» (хотя сам тип сложился раньше).

Однако правильнее было бы говорить не о влиянии, а о заимствовании-полемике. С такими явлениями в литературе мы уже встречались: «Пророк» М. Ю. Лермонтова является заимствованием-полемикой по отношению к одноименному стихотворению А. С. Пушкина. Лермонтов заимствует у своего предшественника образ пророка (не случайно стихотворение начинается со строк: «С тех пор как вечный судия мне дал всеведение пророка...», явно восходящей к пушкинскому стихотворению), но даёт ему другую интерпретацию.

Тургеневский герой – это как бы сниженный, развенчанный Онегин, это ответ на вопрос Татьяны: «Уж не пародия ли он?» Да, пародия, – как бы отвечает Тургенев, которому такой человек вовсе не кажется привлекательным. Это ничтожный человек с большими претензиями.

«Это один из тех великих маленьких людей, которых теперь так много развелось и которые улыбкою презрения и насмешки прикрывают тощее сердце, праздный ум и посредственность своей натуры»¹³.

Так охарактеризовал его В. Г. Белинский, высоко оценивший тургеневское произведение.

Автор рассматривает ситуацию в сослагательном наклонении: что было бы, если бы Онегин и Татьяна соединили свои судьбы. Счастья им бы это не принесло.

Уже в этом раннем произведении намечаются два основных мотива, которые пройдут через всё творчество писателя.

1. Вопрос о трагическом значении любви в жизни человека. Почему трагическом? Потому что, любовь, несмотря на своё обаяние, в соответствии с философскими взглядами автора, рисовалась ему стихийной и бессознательной силой, которая обрушивается на человека, и человек перед ней оказывается бессилён. Возможно, что такие взгляды сложились у него под влиянием собственного опыта жизни и любви (ведь он многое принёс в жертву своему чувству к Полине Виардо).

2. Стремление человека к счастью и неосуществимость его. В более поздних произведениях этот мотив будет звучать как

¹³ Белинский В. Г. Параша // Белинский В. Г. Собр. соч. В 3 т. – М.: ГИХЛ, 1948. – Т. 2. – С. 561.

противоречие между счастьем и долгом, как невозможность сочетать одно с другим и как следствие – страдание, трагизм человеческой жизни из-за необходимости выбора. В любом случае финал трагичен, что бы человек ни выбрал. Счастье может оказаться призраком, обманом, пошлостью, как это и оказалось с героями «рассказа в стихах». И это произошло не только потому, что такие люди, как Виктор, эгоистичны и не могут дать счастье другому человеку, а потому, что счастье вообще невозможно, по крайней мере, для людей с высокоразвитым интеллектом – так считал Тургенев. Счастливы могут быть лишь люди средние, ординарные, заурядные, не задумывающиеся о жизни, о её неразрешимых противоречиях.

Правда, и Тургенев понимал, что человек не может не стремиться к счастью, и это понимание лишней раз подчёркивало трагизм ситуации.

На рубеже 1840-50-х годов Тургенев создаёт рассказы и очерки о жизни народа – «*Записки охотника*», публиковавшиеся в журнале «Современник», когда он перешёл в руки Н. А. Некрасова и В. Г. Белинского.

Почему вдруг Тургенев обратился к народной теме?

«<...> Только вследствие просьб И. И. Панаева, не имевшего чем наполнить отдел смеси в 1-м номере «Современника», я оставил ему очерк, озаглавленный «Хорь и Калиныч». (Слова: «Из записок охотника» были придуманы и прибавлены тем же И. И. Панаевым, с целью расположить читателя к снисхождению.) Успех этого очерка побудил меня написать другие <...>» (10, 302).

«Белинский с добродушным снисхождением, с сочувственным жаром поощрял начинающих писателей, в которых признавал талант, поддерживал их первые шаги» (10, 302).

А Тургенев тогда как раз и был начинающим писателем.

Характерно, что во втором номере «Современника» за 1849 г. был помещён очерк «Лес и степь» с обращением к читателю, из которого видно, что продолжение «Записок охотника» не входило в дальнейшие планы автора:

«Читателю, может быть, уже наскучили мои записки; спешу успокоить его обещанием ограничиться напечатанными отрывками <...>» (1, 444).

Однако Тургенев и в последующие годы не раз возвращался к своему замыслу, дополняя «Записки охотника» новыми произведениями. Но не всё ему удалось осуществить.

«Всех их напечатано двадцать два, заготовлено было около тридцати. Иные очерки остались недоконченными из опасения, что цензура их не пропустит; другие – потому, что показались мне не довольно интересными или не идущими к делу» (12, 453-454).

В 1852 году рассказы и очерки были объединены автором в отдельную книгу, ставшую крупным событием в русской общественной и литературной жизни. По словам М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Записки охотника» «положили начало целой литературе, имеющей своим объектом народ и его нужды»¹⁴.

Белинский, объясняя причины успеха первого рассказа цикла – «Хорь и Калиныч», писал:

«Автор зашёл к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто ещё не заходил»¹⁵.

Наметившийся в 1840-х годах подъём освободительного движения поставил перед литературой задачу правдиво отобразить жизнь русского общества, в первую очередь жизнь крестьян. Белинский писал:

«А разве мужик – не человек? Но что может быть интересного в грубом, необразованном человеке? – Как что? – Его душа, ум, сердце, страсти, склонности, – словом, всё то же, что и в образованном человеке»¹⁶.

¹⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. – Т. 9. – С. 459.

¹⁵ Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Ст. 2 // Белинский В. Г. Собр. соч. В 3 т. Указ. соч. – Т. 3. – С. 832.

¹⁶ Белинский В. Г. Указ. соч. Ст. 1. – С. 787.

Эта мысль, что крепостной тоже человек, прочно вошла в литературу, начиная с Д. В. Григоровича. Изображение народа, крестьянства обычно справедливо связывают с творчеством Тургенева и Некрасова, но самое начало всё-таки было положено Григоровичем. Но то, что у Григоровича сделано, так сказать, на среднем уровне, у Тургенева – ярко, художественно.

Рассказы Тургенева проникнуты пафосом человека, уважения личности, желанием вступить за неё там, где она попорана социальными отношениями. Тургенев показывает мужика теми же приёмами, что и дворянина: как человека с развитой духовной и душевной жизнью.

Соблюдая внешние формы физиологического очерка, Тургенев разрушает его изнутри. Чтобы понять, как это происходит, обратимся к понятию физиологического очерка. Что это такое?

Физиологический очерк – это жанр журналистики, основной целью которого является наглядное изображение жизни, среды обитания, устоев и ценностей определённого социального класса. Сам жанр зародился в 30-40-е гг. XIX века в Англии и Франции, позднее появился и в России и был развит писателями «натуральной школы».

А вот какое объяснение дано в «Краткой литературной энциклопедии»:

«Физиологический очерк – разновидность жанра художественного очерка. Название «физиологический» соотносится с определениями «правдивый», «естественный», «натуральный» <...>. Физиологический очерк возник в русской литературе 40-х гг. XIX в. как программный жанр *натуральной школы*, для которого характерны урбанистическая тематика, изображение жизни городских низов. Построенный на наблюдении, точном («дагеротипном») воспроизведении фактов, он сыграл важную роль в развитии русской литературы: ввёл в неё демократического героя, новые, ещё неизведанные темы. <...>

Сюжет в физиологическом очерке обычно отсутствует, но богато развёрнута социальная характеристика типа, его связей со средой. Несмотря на некоторые уступки биологизму и психологическое обеднение образов, физиологиче-

ский очерк стал прогрессивным явлением в общественной жизни и в истории литературы, способствовал совершенствованию средств художественной типизации в реалистическом искусстве. В ходе развития литературы отмерли такие свойства физиологического очерка, как «дагеротипность» изображения, прямое следование методам естественных наук в диагностике социальных болезней; лучшие его черты были восприняты позднейшей очерковой литературой (Г. И. Успенский, М. Е. Салтыков-Щедрин и др.)»¹⁷.

Наиболее ярким примером физиологического очерка являются «Петербургские шарманщики» (1844) Д. В. Григоровича. Как рассказал впоследствии автор, очерк был написан по просьбе Н. А. Некрасова, задумавшего издавать очерковые сборники «Физиология Петербурга», в которые, «кроме типов, должны были войти бытовые сцены и очерки из петербургской уличной и домашней жизни»¹⁸.

Представители городской бедноты – шарманщики – не раз привлекали внимание Григоровича, и он решил написать очерк об их жизни. Для этого он долго и тщательно собирал материал: беседовал с этими людьми, заходил в «невозможные трущобы», где они жили, записывал потом до мелочи всё, что видел и о чём слышал. И это дало свой результат: изображение тяжёлого существования бедняков получилось убедительным и достоверным.

«Хорь и Калиныч» начинается в духе «физиологического» очерка – сопоставлением орловского и калужского мужиков, орловской и калужской деревень. Однако автор не ограничивается изображением двух различных типов крестьян и различных укладов жизни двух соседних губерний – в этом не было бы ещё никакого новаторства.

Тургенев строит свой рассказ по-новому. «Физиологический очерк» по преимуществу занимался «пластами» социальной действительности. Тургенев идёт дальше: он проникает не только в «пласты» русской жизни, но и в её «оттенки».

¹⁷ Краткая литературная энциклопедия. В 9 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1962–1978. – Т. 7. – С. 951–952.

¹⁸ Григорович Д. В. Литературные воспоминания / под ред. С. Н. Голубова, В. В. Григоренко, Н. К. Гудзия, С. А. Макашина, Ю. Г. Оксмана. – М.: ГИХЛ, 1961. – С. 83.

Столь разные, даже противоположные друг другу типы Хоря и Калиныча живут по соседству, то есть различие типов у Тургенева уже не обусловлено различием «местных» особенностей. Автор выявляет внутренние характеристики описываемых людей и событий. Писатель обнаруживает в каждом из персонажей особый душевный склад, особое проявление русского национального характера, сохранившегося в народе вопреки крепостному праву.

В некоторых очерках («Бурмистр» и др.) уже содержится прямой ответ на требование Белинского обнажать «ревущие противоречия между европейской внешностью и азиатскою сущностью»¹⁹.

Изображая разные слои народной жизни, писатель не ограничивался сопоставлениями персонажей, а проник в их внутренние особенности и коснулся «ревущих противоречий» жизни того времени.

Показывая разнообразие типов крестьян, Тургенев, пусть даже не осознанно, отражает протекавший тогда ещё подспудно процесс расслоения внутри внешне однородной крепостнической деревни.

Ещё в одном направлении обогащает Тургенев «физиологический» очерк: он вводит в него образ повествователя.

В обычном, не «физиологическом» очерке автор часто отводит себе заметное место рядом с другими выведенными в нём лицами. В типичных «физиологических очерках» авторское «я» на время отходит на второй план или даже вовсе исчезает, потому что их авторы стремились показать крупным планом кричащие противоречия самой жизни.

В очерках Тургенева снова появляется рассказчик, но он не ставит себя и свои переживания на первый план. Повествователю здесь принадлежит роль человека, который связывает свои наблюдения с общественно-политическими проблемами современности, служащими предметом страстного обсуждения в публицистике.

Так, из разговоров с Хорем рассказчик «вынес одно убеждение, которого, вероятно, никак не ожидают читатели, – убеждение, что Пётр Великий был по преимуществу русский

¹⁹ Белинский В. Г. Собр. соч. В 3 т. Указ. соч. – Т. 2. – С. 754.

человек, русский именно в своих преобразованиях. Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя» (1, 85).

Тургенев не боялся и выводов, вытекающих из сопоставления и анализа по-новому увиденных и понятых им явлений жизни.

Основная идея «Записок охотника» – обличение крепостного права, бороться с которым Тургенев дал «аннибалову клятву».

Обличение крепостного права ведётся в двух основных направлениях.

1. Путём обличения морального облика помещиков-крепостников, их жестокости и бесчеловечности по отношению к народу («Бурмистр», «Два помещика» и др.). Особенно отвратителен помещик Пеночкин («Бурмистр»). Внешне воспитанный и культурный, на самом деле он ничуть не лучше своих «собратьев». Он не позволит себе ни ударить крепостного своими руками, ни даже выбрать его, но распоряжается издали. Очевидно, при создании этого образа сказались детские впечатления Тургенева. Самодурство помещиков показано и в других рассказах («Льгов», «Контора», «Ермолай и мельничиха» и др.). А. И. Герцен назвал тургеневские очерки «поэтической обвинительной речью против крепостничества»²⁰.

«Никогда ещё раньше внутренняя жизнь помещичьего дома не выставлялась в таком виде на всеобщее посмеяние, ненависть и отвращение»²¹.

2. Посредством раскрытия высокого морального облика крепостных, которых не считали за людей. Уже в самом первом рассказе цикла Хорь сравнивается с Петром I. Тем самым Тургенев защищает национальное достоинство русского народа, как бы ставя вопрос: разве могут быть неправыми люди подобные Хорю? Такое сравнение для тех времен было ошеломляющим.

²⁰ Герцен А. И. Новая фаза русской литературы // Тургенев в русской критике. Сб. ст. / Вступ. ст. и примеч. К. И. Боннецкого. – М.: ГИХЛ, 1953. – С. 208.

²¹ Герцен А. И. Из письма к переводчице романа Григоровича «Рыбаки» // Тургенев в русской критике. Сб. ст. и примеч. К. И. Боннецкого. – М.: ГИХЛ. – С. 206.

С любовью и нежностью показаны дети в рассказе «Бежин луг», их богатый духовный мир, умение тонко чувствовать красоту природы. Рассказ также заставляет читателя задуматься над будущим этих детей.

Конечно, крестьянство в «Записках охотника» показано неоднозначно. Тургенев видел среди них и талантливые натуры, и холопские (камердинер Виктор в «Свидании», Акулина в рассказе «Малиновая вода»). Видел писатель и начавшийся в то время процесс расслоения крестьянства. Софрон из рассказа «Бурмистр» – «собака, а не человек» (1, 213). Но Тургенев искал в народе больше доброго, чем дурного. Лев Толстой писал о Тургеневе:

«Это был типичный представитель людей пятидесятых годов, либеральный в лучшем смысле этого слова. Замечательна его борьба против крепостничества и потом его любовь к тому, что он описывает. <...> Потом его чуткость к красотам природы».²²

Очень важна в «Записках охотника» тема природы. Один из известных исследователей творчества Тургенева Г. А. Бялый писал:

«Природа в “Записках охотника” – не фон, не декоративная картина, не лирический пейзаж, а именно стихийная сила, которую автор изучает детально и необыкновенно пристально. Природа живёт своей особой жизнью, которую автор стремится изучить и описать со всей доступной человеческому глазу и слуху полнотой. В “Бежином луге” прежде, чем приступить к рассказу о людях, Тургенев рисует жизнь природы в течение одного июльского дня: он показывает её историю за этот день, рассказывает, какова она ранним утром, в полдень, вечером, какой вид, формы и цвет в разные периоды дня имеют облака, каков цвет небосклона и его вид в течение этого дня, как меняется погода за день и т.д.»²³.

²² Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого / под ред. С. Н. Голубова, В. В. Григоренко, Н. К. Гудзия, С. А. Макашина, Ю. Г. Оксмана. – М.: ГИХЛ, 1959. – С. 69.

²³ Бялый Г. А. И. С. Тургенев и русский реализм. – М.; Л: Худ. лит., 1962. – С. 51.

Что же является главным в «Записках охотника»? В России есть живые силы – такова одна из главных идей произведения. Эти силы отчасти заключены в дворянстве, но главным образом – в простом народе. Есть в русском народе и воля, и крепость, и ум, и мягкость, и гуманность, и поэтичность, есть готовность двинуться вперед по пути преобразований; но это всё силы неосознанные, дремлющие. Чтобы привести их в движение, нужны просвещённые и умелые реформаторы; недаром тема Петра Великого и его преобразований намечена уже в первом очерке «Записок охотника».

Крепостное право антигуманно и должно быть отменено.

Замечательны пейзажи средней полосы России, в основном родной Тургеневу орловщины; тонкие природоописания являются неотъемлемой частью художественного мира «Записок охотника». Это не просто фон – Тургенев показывает свою особую, не зависимую ни от кого жизнь природы. Уже в своей первой книге писатель заявил о себе как о несравненном певце русской природы. В дальнейших произведениях Тургенева пейзажу также принадлежит важная роль. Он – неотъемлемая часть поэтики Тургенева вообще.

По поводу «Записок охотника» Тургенев сказал в 1852 году:

«Я рад, что эта книга вышла. Мне кажется, что она останется моей лептой, внесённой в сокровищницу русской литературы» (12, 139).

И он не ошибся.

Ранние повести

Тургенев хотел продолжить свои очерки о русском народе – «самом странном и самом удивительном народе, какой только есть на свете» (12, 110) – так он писал супругам Виардо в 1852 году.

В том же 1852 году он создал рассказ «Муму», идейно и тематически примыкающий к «Запискам охотника». Начал роман «Два поколения», который был встречен сдержанно друзьями писателя, – и оставил работу над ним.

Тургенев ищет новые темы, формы и жанры, стремясь расширить тематику своих произведений. Вначале это повести, а потом – романы. В романах Тургенева используются те же художественные особенности, что и в повестях:

1. В них, как правило, указано место и точная дата начала действия (например, роман «Отцы и дети» начинается 20 мая 1859 года).

2. Герои Тургенева – носители общественно-политических идей. Отдельные его персонажи (Рудин, Базаров) отличаются высокообразованным интеллектом.

3. Герои тургеневских повестей – максималисты, у них бесконечная жажда жизни и счастья. Однако они не могут преодолеть противоречия между стремлением к счастью, заложенным в человеке самой природой, и невозможностью его осуществления. Им хотелось бы остановить прекрасное мгновение, сделать его вечным, но это невозможно. Так возникает противоречие между вечным и конечным, духовным и материальным. Человек не может отказаться от стремления к счастью: оно заложено в нём самой природой. Поэтому итог всегда трагичен, что бы человек ни выбрал (счастье или долг). Даже если кажется, что счастье достигну (как в «Параше»), то оно оказывается обманом. И поиски счастья для тургеневских героев часто оказываются погоней за призраком.

4. Тургеневский герой – не творец собственного счастья, не устроитель своей судьбы. Он не сразу понимает это. Человек должен пройти длинную цепь поисков счастья, падений и разочарований, чтобы понять, что оно недостижимо, поэтому нужно отказаться от притязаний на личное счастье ради общечеловеческих целей, то есть ради того, что считается нравственным и гражданским долгом. Только в этом можно найти если не счастье, то хотя бы удовлетворение, пусть даже и горькое, от сознания выполненного долга и завершённого труда, возложенного на себя взамен неосуществимого стремления к счастью.

Особенно ясно эти мысли (что жизнь возможна лишь на основе отречения от себя, мысли о невозможности соединения счастья и долга) выражены в повести «Фауст» (1856). Даже в качестве эпиграфа взяты слова из «Фауста» Гёте:

«Отказываяй себе, смиряй свои желанья». Повесть называется «Фауст» не только потому, что герой сам находится под впечатлением одноименного произведения Гёте и знакомит с ним героиню. Главная причина – внутренняя общность: и Павел Александрович, и Вера Николаевна, как и Фауст, стремятся к счастью, хотя и останавливаются прекрасное мгновение, но это оказывается невозможным по не зависящим от них обстоятельствам.

Вначале выразителем идей о несоединимости счастья и долга является госпожа Ельцова:

«Я думаю, надо заранее выбрать в жизни: или полезное, или приятное (Курсив наш – И.Т.), и так уже решиться, раз навсегда. И я когда-то хотела соединить и то, и другое ... Это невозможно и ведёт к гибели или к пошлости» (6, 170).

Этим объясняются её поступки, её отношение к дочери. «Вы добры, но не такой муж нужен для Веры» (6, 172), – говорит она главному герою. И, несмотря на то, что её речи кажутся Павлу Александровичу странными, он внутренне соглашается с ней.

Через несколько лет Вера Николаевна, уже замужняя женщина, и Павел Александрович снова встречаются. Они по-прежнему любят друг друга, мечтают о счастье. Кажется, что после смерти Ельцовой они свободны от всяких запретов. Но теперь уже не она, а её призрак вмешивается в судьбу дочери, требуя от неё неуклонного следования долгу.

А в конце повести главный герой сам приходит к такому выводу:

«...Жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслаждение ... жизнь – тяжёлый труд. Отречение, отречение постоянное – вот её тайный смысл, её разгадка: не исполнение любимых мыслей и мечтаний, как бы возвышенны они ни были, – исполнение долга, – вот о чём следует заботиться человеку; не наложив на себя цепей, железных цепей долга, не может он дойти, не падая, до конца своего поприща...» (6, 203-204).

Так же думает и автор, считающий, что существует сила, препятствующая достижению человеком счастья.

Другие повести этого периода тоже посвящены теме любви, которая понимается автором как сила, поработавшая человека и не приносящая ему в итоге счастья. В этом сказывается определённый автобиографический момент: сам Тургенев до конца жизни так и не обрёл личного счастья.

Например, в повести *«Переписка»* (1856) находим следующие суждения о любви, в которых угадываются взгляды на этот предмет самого автора:

«В любви нет равенства <...>. Нет, в любви одно лицо – раб, а другое – властелин <...> Любовь – цепь, и самая тяжёлая» (6, 116). «Любовь даже вовсе не чувство – она болезнь; <...> обыкновенно она овладевает человеком без спроса, внезапно, против его воли – ни дать ни взять холера или лихорадка...» (6, 116).

В более ранней повести – *«Затишье»* (1854) – любовь трактуется как трагедия безысходной зависимости и добровольного подчинения, безграничной, смертоносной власти человека над человеком. Недаром лейтмотивом повести избрана строка из пушкинского стихотворения «Анчар»: «И умер бедный раб у ног непобедимого владыки». Эти стихи и предсказывают, и комментируют судьбу героини повести.

Все преграды, охраняющие человека от этой силы, непрочны и искусственны; достаточно неосторожного прикосновения – и они порвутся. А сила искусства – прямая помощница и пособница силы любви, так как искусство неизменно стремится заглянуть «куда-то, куда не следует заглядывать человеку» (6, 212-213).

Тем не менее, любовь – прекрасное чувство, обладающее страшной притягательной силой, поэтому человек не может ей противиться.

Впоследствии об этом же будет размышлять и Л.Н. Толстой и поставит вопрос более остро. Не случайно его старший сын Сергей Львович писал в воспоминаниях, что если Тургенев – певец возвышенной, романтической любви, то Лев Толстой изображал в своих произведениях, особенно поздних

(«Крейцера соната», «Дьявол», «Отец Сергей», да и в романе «Анна Каренина») страшную силу плотской любви²⁴.

Следует остановиться на повести «Ася» (1858). На её героев любовь обрушивается неожиданно и неотразимо, как гроза, как стихия, не подвластная человеку. Нельзя угадать такое мгновение, когда эта сила может даться в руки человеку: не сказанное вовремя слово обрекает уже почти совсем счастливого человека на «одинокость бессемейного бобыля» (6, 273).

Герой «Аси» Н., думая, что завтра он будет счастлив, утром следующего дня, счастливый, идёт к Гагину просить руки его сестры. И оказывается, что он опоздал: они уехали!

Как считает автор, любовь капризна и своенравна, как Ася, а «у счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем; у него есть настоящее – и то не день – а мгновенье» (6, 269).

«Когда я встретился с ней в той роковой комнате, во мне ещё не было ясного осознания моей любви, – признаётся герой повести, – оно не проснулось даже тогда, когда я сидел с её братом в бессмысленном и тягостном молчании ... оно вспыхнуло с неудержимой силой лишь несколько мгновений спустя, когда, испуганный возможностью несчастья, я стал искать и звать её ... но уже тогда было поздно» (6, 271).

Однако критики – современники Тургенева иначе расценили эту ситуацию.

Н. Г. Чернышевский в статье «Русский человек на rendez-vous» писал, что в данной ситуации виноваты не стихийные силы, а сам герой, его нерешительность, бесхарактерность, дряблость, порождённые социальными условиями его жизни.

Чернышевский, с его принципом реальной критики, для которой художественные произведения – в основном только материал для борьбы за общественные преобразования, для приговора над современной ему общественной жизнью, оценил эту повесть как разоблачение дворянина-либерала,

²⁴ См. об этом: *Толстой С. Л.* Очерки былого. – Тула, 1975. – С. 307-308.

не готового к социальной борьбе. С точки зрения критика, человек, струсивший на свидании с девушкой, струсит и в общественном действии. Дворяне-либералы перестают быть прогрессивной силой общества, считал он.

«Мы видим Ромео, мы видим Джульетту, счастью которых ничто не мешает, и приближается минута, когда навеки решится их судьба, – для этого Ромео должен только сказать: “Я люблю тебя, любишь ли ты меня?” И Джульетта прошепчет: “Да...” И что же делает наш Ромео (так мы будем называть героя повести, фамилия которого не сообщена нам автором рассказа), явившись на свидание с Джульеттой? <...> Что же говорит он ей? “Вы предо мною виноваты, – говорит он ей, – Вы меня запутали в неприятности, я Вами недоволен, Вы компрометируете меня, и я должен прекратить мои отношения к Вам; для меня очень неприятно с Вами расставаться, но Вы извольте отправляться отсюда подальше”. Что это такое? Чем она виновата? Разве тем, что считала его порядочным человеком? Компрометировала его репутацию тем, что пришла на свидание с ним? <...> Да, поэт сделал слишком грубую ошибку, вообразив, что рассказывает нам о человеке порядочном. Этот человек дряннее отъявленного негодяя»²⁵.

К слову сказать, так же резко оценивал Чернышевский и героя повести «Затишье», в котором он видел «бездушного пошлеца, который свою низость и бесчувственность прикрывает европейскими фразами и приличными манерами»²⁶.

В том же духе оценивал эту ситуацию и П. В. Анненков.

«Такой любовник есть, без сомнения, великое несчастье для женщины... Но ... благословляйте судьбу, что встретились со слабым характером, который, при всех своих недостатках, сберегает одно сокровище – понимание нравственной своей бедности...»²⁷.

²⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15 т. – М.: ГИХЛ, 1950. – Т. 5. – С. 158.

²⁶ Чернышевский Н. Г. Указ. соч. – Т. 4. – С. 699.

²⁷ Анненков П. В. Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым // Анненков П. В. Литературные воспоминания. – М.: Худ. лит., 1983. – С. 364.

Так же считал и Д.И. Писарев:

«В разбираемой мною повести неразвита, полудикая девушка одною силою своего чувства становится неизмеримо выше молодого человека, у которого есть и ум, и образование, и современное развитие. Она на всё решилась, не остановилась даже перед тою мыслию, что может огорчить брата – единственного человека в мире, которого она любит; она пошла навстречу осуждению и позору, страданиям и домашнему горю, а он, он... на чём он запнулся? Стыдно сказать, а умалчивать незачем. <...> На том, что он сам, г. Н., затруднится отвечать на вопрос какого-нибудь великосветского хлыща: “как ваша супруга уродённая?” Потом он после двухдневной борьбы одолевает это препятствие; но эта победа оказывается несвоевременною»²⁸.

Как уже говорилось, автор далёк от такого понимания проблемы.

В тургеневских повестях этого периода как бы подготавливаются важнейшие моменты будущих романов писателя: проблема счастья и долга, любовь как стихийное бедствие, ведущее к гибели физической или нравственной. В более поздней повести – «Вешние воды» (1871) – любовь сравнивается с революцией:

«Однообразно-правильный строй сложившейся жизни разбит и разрушен в одно мгновение, молодость стоит на баррикаде, и высоко вьётся её яркое знамя – и что бы там впереди её ни ждало – смерть или новая жизнь – всему она шлёт свой восторженный привет» (8, 117).

Это одна из лучших строк, написанных Тургеневым о любви.

В повестях этого периода присутствуют важнейшие черты и мотивы его будущих романов.

1. Образ «лишнего человека», который виноват без собственной вины. Людьми без будущего, людьми уродливого ума

²⁸ Писарев Д. И. Указ. соч. – Т. 1. – С. 254.

их сделали неблагоприятные обстоятельства русской жизни.

2. Тургеневский роман – роман не только о русском деятеле, но одновременно и повесть о первой любви.

3. В литературоведении сложилось такое понятие – «тургеневская девушка». Что представляет собой этот тип? Как правило, это замкнутая, чистая и скромная девушка, выросшая в провинции (вдали от тлетворного влияния светской и городской жизни), получившая неплохое образование. Она не отличается внешней красотой, но тонко чувствует и живёт глубокой внутренней жизнью. «Тургеневская девушка» влюбляется в главного героя и, влюбившись, готова верно и преданно следовать за ним, несмотря на неприятие её выбора родителями или неблагоприятные внешние обстоятельства. Она обладает сильным характером и способна к самопожертвованию.

Нельзя сказать, что это полностью «открытие» Тургенева. Были у него и предшественники. Вспомним Татьяну Ларину, тоже выросшую в «глуши», с богатой духовной и душевной жизнью, способную к настоящей любви, но верную чувству долга.

4. Тургеневский парадокс – сопоставление слабого мужчины и сильной женщины. Это не раз отмечалось критикой.

«В трагедии Марьи Павловны (героини повести «Затишье» – И.Т.), полюбившей безвольного человека, испорченного условиями барской жизни, сказался глубокий конфликт между новыми веяниями, затронувшими молодое поколение России, и губительной атмосферой помещичьей жизни»²⁹.

Тургенев-романист

Итак, Тургенев стал «настоящим писателем», то есть романистом, во второй половине 1850-х годов.

Первые два романа Тургенева – *«Рудин»* (1856) и *«Дворянское гнездо»* (1858) – посвящены так называемым «лишним людям» в тот период времени, когда сама история дала возможность суда над ними. Как уже говорилось, словосочетание «лишний человек» вошло в употребление после выхода тургеневской повести *«Дневник лишнего человека»* (1850),

²⁹ Добин Е. Заострение в сюжете // Нов. мир. – 1955. – № 3. – С. 248.

хотя такой тип людей, как Чулкатурин, Рудин и др., сложился ещё в эпоху пушкинского Онегина и лермонтовского Печорина.

Тип «лишнего человека» уже встречался в повестях Тургенева. Таким, например, является Веретьев из «Затишья», о котором неоднократно писали критики.

Критик либерального направления С. С. Дудышкин указал на близость этого героя к «лишним людям» и решительно осудил его за нежелание работать. По его мнению, это «талантливая русская натура, на многое годная и никуда не годная»³⁰.

А. В. Дружинин осуждал в Веретьеве эгоиста, заражённого полубразованием, провинциального Дон Жуана, который любит «прожигать жизнь»³¹.

По мнению Д. И. Писарева, Веретьев принадлежит к людям «с кипучими силами, с огненным темпераментом, с огромными страстями, с резкими недостатками, но с яркими талантами и с могучими стремлениями»³². Но для них нет настоящей сферы общественной деятельности:

«Дарования и силы этих людей разбрасываются, тратятся на пустяки, и сами они видят это, и самим им жаль себя, и досадно на себя, и хочется забыться, утопить тяжёлое чувство, размыкать горе»³³.

Роман **«Рудин»** создавался летом 1855 г., после смерти Николая I, когда стало возможным обсуждать публично вопросы о социальных преобразованиях и соответственно об общественном деятеле. Эта же проблема является центральной в романе. Может ли быть таким деятелем представитель дворянской интеллигенции?

Чтобы ответить на этот вопрос, автор делает характер Рудина объектом самого пристального внимания, тем более что Тургенев хорошо знал ту атмосферу, в которой формировались подобные личности.

³⁰ Дудышкин С. Повести и рассказы И. С. Тургенева // Отечественные записки. – 1857. – № 1. – С. 17.

³¹ Дружинин А. В. Собр. соч. – Т. VII. – СПб, 1865. – С. 352.

³² Писарев Д. И.. Указ. соч. – Т. 1. – С. 228.

³³ Там же.

«Я никогда не мог творить из головы, – писал он. – Мне для того, чтобы вывести какое-нибудь вымышленное лицо, необходимо избрать себе живого человека, который служил бы мне как бы руководящей нитью» (12, 423).

Говоря о философском кружке Покорского, в среде которого прошла юность героя, Тургенев имел в виду кружок Станкевича.

«Когда я изображал Покорского, образ Станкевича носил передо мной...» (12, 423).

Прототипом главного героя был русский мыслитель и революционер, идеолог анархизма и народничества и при этом радикальный западник Михаил Александрович Бакунин, которого автор хорошо знал. Будучи сам западником, Тургенев вначале представил его в самом привлекательном виде. Однако друзья писателя сделали ряд критических замечаний, считая, что Бакунин слишком идеализирован. Тогда Тургенев переделал роман. В итоге Чернышевский иронически писал:

«У Рудина есть хоть то общее с Бакуниным, что оба они ораторы и оба, занимая у приятеля деньги, забывают отдавать»³⁴.

Тургенев показал героя с разных сторон, оценил как общественные, так и личные его качества, в которых проявляется его социальная значимость. Речь шла о том, может ли он бороться с препятствиями, способен ли он не только просвещать людей, но и вести их за собой.

К какому же выводу приходит автор? Рудин – во многом типичный «лишний человек», основная черта которого – разлад слова и дела:

³⁴ Чернышевский Н. Г. Воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым (Ответ на вопрос). Отрывки // Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников / под ред. С. Н. Голубова, В. В. Григоренко, Н. К. Гудзия, С. А. Макашина, Ю. Г. Оксмана. – Л.: ГИХЛ, 1961. – С. 184.

«Этот человек умел не только потрясти тебя, он с места тебя сдвигал, он не давал тебе останавливаться, он до основания переворачивал, зажигал тебя», – говорил о нём студент-разночинец Басистов (2, 115).

Но на этом и кончается его положительный заряд, так как он совершенно не способен претворить свои идеалы в жизнь, у него не было ни воли, ни умения трудиться, ни достаточных знаний для конкретного ответа на вопросы «что делать?» и «как делать?».

Суть рудинского характера очень верно уловил М. Е. Салтыков-Щедрин. В сатирическом цикле «В среде умеренности и аккуратности», созданном уже в 1870-е годы, Щедрин как бы написал продолжение комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Это тоже своеобразное заимствование-полемика. Спустя полвека уже постаревший и дошедший до «степеней известных» Молчалин вспоминает о тургеневском герое, который будто бы был директором департамента Распределения богатств, где служил Алексей Степанович. При нём (Рудине) очень хорошо было, – считает Молчалин.

«Даже дела совсем никакого не было. Придёт, бывало, в департамент, спросит: когда же мы, господа, богатства распределять начнём? Посмеётся, между прочим, двугривенничек у кого-нибудь займёт, и след простыл!»³⁵. Правда, он не был жаден на деньги: «сейчас это возьмёт у тебя и тут же, при тебе, другому, кто у него попросит, отдаст. В этом отношении он почти что божий человек был»³⁶. И так он «годика три промаячил, а потом и затосковал»³⁷ и снова в Дрезден уехал.

Не умеет Рудин и преодолевать препятствия, что особенно видно из сцены его любовного объяснения с Натальей Ласунской. Первое же препятствие – отказ Дарьи Михайловны – приводит его в смятение.

Чернышевский в статье «Русский человек на rendez-vous» справедливо проводит параллель между героем «Аси» и Рудиным.

³⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. – Т. 12. – С. 40.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

«Рудин вначале держит себя несколько приличнее для мужчины, нежели прежние герои: он так решителен, что сам говорит Наталье о своей любви»³⁸.

Но он до такой степени труслив и вял, что Наталья принуждена сама пригласить его на свидание для решения, что же им делать. Во время свидания она совершенно справедливо обвиняет его в трусости, и дело кончается тем, что оскорблённая девушка отворачивается от него, едва ли не стыдясь своей любви к трусу. И правильно делает, с точки зрения Чернышевского.

Таким образом, разбирая повесть «Ася» и роман «Рудин», Чернышевский восхищается героиней и осуждает героя.

Однако иначе оценивает ситуацию Н. В. Шелгунов.

«Удивляются отважности героинь г. Тургенева. Но отважности тут в сущности нет никакой, а только неразумие и неспособность видеть и оценить последствия... И нужно сказать правду, что в трусости героя гораздо больше ума, чем в отважности героини... И, разумеется, герои были правы, когда отклоняли неопытных девушек от подобного намерения»³⁹.

Желание Рудина быть полезным людям кончается неудачами, одна из причин которых – его незнание реальных задач жизни.

«Но это не вина Рудина, это его судьба, горькая и тяжёлая, за которую мы-то уж винить его не станем», – говорит о нём его товарищ по кружку Лежнёв (2, 119).

Так же считает и автор: характер Рудина порождён обстоятельствами, в которых нет его вины, обстоятельства сделали его «умной ненужностью», по известному выражению А.И. Герцена.

Герцен оценил Рудина как связующее звено между «лишними людьми» (Онегиным, Печориным) и «новыми людьми» (Базаровым):

³⁸ Чернышевский Н. Г. Указ. соч. – Т. 5. – С. 171.

³⁹ Шелгунов Н. В. Литературная критика. – Л.: Худ. лит., 1974. – С. 131.

«Онегины и Печорины родили Рудиных и Бельтовых, Рудины и Бельтовы – Базарова»⁴⁰. «У Печориных есть воля без знаний, у Рудиных – знание без воли, у Базаровых – и знание, и воля»⁴¹.

Так же оценивал тургеневских героев критик Н. Н. Страхов. Однако другие критики-современники Тургенева, например Д.И. Писарев, иначе оценивали этот образ.

«Развенчать этот тип было так же необходимо, как необходимо было Сервантесу похоронить своим Дон Кихотом рыцарские романы как одно из последних наследий средневековой жизни. Тип красивого фразёра <...> совершенно развенчан Тургеневым.

Люди этого типа совершенно не виноваты в том, что они люди бесполезные; но они вредны тем, что увлекают своими фразами те неопытные создания, которые прельщаются их внешнею эффектностью <...> это – болотные огоньки, заводящие их в трущобы и погасающие тогда, когда несчастному путнику необходим свет, чтобы разглядеть своё затруднительное положение. Тургенев исчерпал этот тип в Рудине»⁴².

«На словах эти люди, подобные Рудину, способны на подвиги, на жертвы, на героизм, – так, по крайней мере, подумает каждый обыкновенный смертный, слушая их разглагольствования о человеке, о гражданине и других тому подобных отвлечённых высоких предметах. На деле эти дряблые существа, постоянно испаряющиеся во фразы, неспособны ни на решительный шаг, ни на усидчивый труд»⁴³.

То, что Рудин умирает со знаменем в руке, не удивительно, с точки зрения критика: он бы мог быть великим деятелем, если бы дело так же быстро делалось, как сказка сказывается. Но в повседневной жизни нельзя жить по одному мановению руки, как говорится, по щучьему велению.

⁴⁰ Герцен А. И. Соч. В 8 т. – М.: ГИХЛ, 1955–1958. – Т. 8. – С. 381.

⁴¹ Там же. – С. 393.

⁴² Писарев Д. И. – Указ. соч. – Т. 1. – С. 214.

⁴³ Там же. – С. 215.

«Рудин умирает великолепно, но вся жизнь его не что иное, как длинный ряд самообольщений, разочарований, мыльных пузырей и миражей.

Всего печальнее то, что эти миражи обманывали не его одного <...>»⁴⁴.

«Вердикт» Писарева в отношении Рудина так же строг и категоричен, как и его приговор в отношении героев Пушкина в статье «Пушкин и Белинский».

Писатель и критик консервативного толка М. В. Авдеев, знакомый и корреспондент Тургенева, не столь категоричен:

«Рудин – необходимое звено между людьми бесплодной мысли и людьми дела <...>. В Рудине впервые после Чацкого, через долгий промежуток времени высказывается в обществе стремление к политической деятельности... Понятно, что для деятельности Рудиных и Инсаровых не было места в России <...> Поэтому совершенно несправедливо установившееся воззрение, что Рудины и все люди сороковых годов были способны только к разговорам, а не к делу. <...>

Рудин не был пустословом, но был положительным деятелем. <...> Речь Рудина, как мы знаем из слов Басистова, действительно потрясала, сдвигала, зажигала человека. Рудин не ограничивался одними словами. Когда он видит, что эти слова не приносят пользы, он хватается за всякое дело»⁴⁵.

Заключительный вывод критика таков:

«Конец Рудина показывает, что Рудин не принадлежал к числу людей слова, он умирает, убитый на парижской баррикаде, сражаясь за свободу чуждого ему народа. <...> Так ли умирают люди слова, люди, не имеющие воли и твёрдости, чтобы пожертвовать собою своему делу?»⁴⁶.

Н. А. Некрасов в статье «Заметки о журналах за февраль 1856 года» высоко оценил тургеневский роман:

⁴⁴ Писарев Д. И. – Указ. соч. – С. 216.

⁴⁵ Авдеев М. В. Наше общество (1820–1870) в героях и героинях литературы. – СПб, 1874. – С.162-163.

⁴⁶ Там же.

«Существенное значение последней повести г. Тургенева – её идея: изобразить тип некоторых людей, стоявших ещё недавно во главе умственного и жизненного движения, постепенно охватывающего, благодаря их энтузиазму, всё более и более значительный круг в лучшей и наиболее свежей части нашего общества. Эти люди имели большое значение, оставили по себе глубокие и плодотворные следы. Их нельзя не уважать, несмотря на все их смешные или слабые стороны. Они, вообще говоря, оказывались несостоятельны при практическом приложении своих идей к делу, – отчасти потому, что ещё недостаточно приготовлена была почва к полному осуществлению их идей, отчасти потому, что, развившись более с помощью отвлечённого мышления, нежели жизни, которая давала для их воззрений и чувств одни отрицательные элементы, они, действительно, жили более всего головою; перевес головы был иногда так велик, что нарушал гармонию в их деятельности, хотя нельзя сказать, чтобы у них сухо было сердце и холодна кровь. Эту отрицательную сторону полно и прекрасно изобразил г. Тургенев. Не столь ясно и полно выставлена им положительная сторона в типе Рудиных. Вероятнее всего произошло это оттого, что г. Тургенев, сознавая в себе очень сильное сочувствие к своему герою, опасался увлечения, излишней идеализации и вследствие того иногда насильственно старался смотреть на него скептически. Оттого характер Рудина, действительно, не столь отчётливо представлен, как многие другие характеры в той же повести. Но неясность его, однако же, не так велика, чтобы трудно было читателю угадать и те его черты, которые оставлены несколько туманными. Мы не все стороны его жизни знаем одинаково хорошо; но, тем не менее, он живой является нам, и появление этой личности, могучей при всех слабостях, увлекательной при всех своих недостатках, производит на читателя впечатление чрезвычайно сильное и плодотворное, какого очень давно уже не производила ни одна русская повесть»⁴⁷.

⁴⁷ Некрасов Н. А. Заметки о журналах за февраль 1856 года // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. – М.: Гослитиздат, 1950. – Т. 9. – С. 388-390.

Критик консервативно-почвеннического направления, близкий к славянофильству, Н. Н. Страхов писал:

«Лучший, полнейший идеал в ряду героев г. Тургенева Рудин. В нём нашли свой отзыв и настроение общества в ту минуту, и натура таланта автора. Это лучший из всех его социальных типов. Рудин *говорит* и говорит именно так, как думалось тогда обществу; действовать он не рождён. <...> Автор угадал душу тогдашнего времени. Он увёл Рудина действовать и умереть за море. Но и там Рудин натывается на дело, или, вернее, на смерть, случайно»⁴⁸.

«Но социальные типы г. Тургенева исключительно *говорящие*. Рудин говорит, Инсаров говорит и собирается на дело, за то и умирает внезапно»⁴⁹.

Как говорится, «большое видится на расстоянье»⁵⁰. Время всё расставляет на свои места. И уже в XX веке в своих лекциях по русской литературе М. Горький утверждал, что Тургенев и тем более его критики были слишком суровы к Рудину.

«Приняв во внимание все условия времени – и гнёт правительства, и умственное бессилие общества, и отсутствие в массах крестьян сознания своих задач – мы должны будем признать, что мечтатель Рудин, по тем временам, был человеком более полезным, чем практик, деятель.

Мечтатель – он является пропагандистом идей революционных, он был критиком действительности, он, так сказать, пахал целину, – а что, по тому времени, мог сделать практик?

Нет, Рудин лицо не жалкое, как принято к нему относиться, это несчастный человек, но – современный и сделавший немало доброго»⁵¹.

⁴⁸ Страхов Н. Н. Нигилист Базаров // Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике / сост., вступ. ст. и коммент. Сухих И. Н. – Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1986. – С. 257.

⁴⁹ Там же. – С. 258.

⁵⁰ Строка из стихотворения С. А. Есенина «Письмо к женщине» (1924).

⁵¹ Горький М. История русской литературы. Указ. соч. – 176.

Любовная тема в романе решается чисто по-тургеновски: любовь не приносит героям счастья. Рудин боится принять то возможное счастье любви, которое предлагает ему Наталья, и напоминает ей о долге перед матерью и семьёй. Раз Дарья Михайловна против, значит не судьба, надо покориться, – считает он и жестоко разочаровывает этим девушку. Иначе говоря: раз борьба со злом безнадежна, то и бороться не надо. Правда, впоследствии он иначе объясняет свой отказ:

«Если б я, по крайней мере, принёс любовь в жертву моему будущему делу, моему призванию; но я просто испугался ответственности, которая на меня падала, и потому я, точно, недостоин Вас» (2,108), – пишет он Наталье.

Как видим, Рудин всё-таки осознал, что если уж отказываться от счастья, то ради великой цели.

Сама Наталья, стремясь к счастью, тем не менее, связывает его с отречением, с готовностью всем пожертвовать ради любви, чтобы вместе с любимым человеком проводить в жизнь великие идеалы. Однако на этом пути (отречение, служение долгу) она могла бы найти лишь удовлетворение от выполненного долга, а не счастье, так как совместить одно с другим, по мнению автора, невозможно. Но Наталья об этом пока не знает, идентифицируя счастье и чувство выполненного долга.

Итак, в этом романе мы видим стремление автора показать общественного деятеля той эпохи. Тургенев в чём-то разоблачает Рудина, но в то же время сочувствует ему. Рудин – слабый человек («Надобно покориться!» – говорит он) и никудышный деятель; однако он полезен как пропагандист передовых идей, и гибнет он на баррикадах.

Ещё один роман о «лишнем человеке» – *«Дворянское гнездо»*. Автор чувствует своё сословное родство с героями «дворянских гнёзд», ему близки и понятны их душевные тревоги, он относится к ним «с трогательным участием, с сердечной болью об их страданиях»⁵², – писал Н. А. Добролюбов.

Рисуя образ главного героя, Лаврецкого, Тургенев подробно описывает те условия, в которых происходило форми-

⁵² Добролюбов Н. А. Указ. соч. – С. 40.

рование его характера и мировоззрения, условия, которые во многом определили его трагическую судьбу. Этому же способствует экскурс в прошлое семьи Лаврецих. Уродливое воспитание, полученное Фёдором Ивановичем, надломило его волю, лишило его характер цельности и решительности. Незнание законов окружающей жизни, наивность и доверчивость послужили причиной тяжёлых испытаний, выпавших на его долю.

Однако жизненные невзгоды не сломили Лаврецкого. Он начинает осознавать пустоту и никчёмность своей жизни и ищет путей сближения с народом, хочет «землю пахать». У Тургенева намечается мотив, неоднократно повторяющийся у Толстого (Нехлюдов из повести «Утро помещика», Николай Ростов, Константин Левин). Да и у самого Тургенева тоже встречается этот мотив: Николай Петрович в «Отцах и детях» завёл ферму. Однако же Лаврецкий не находит того дела, которое составило бы смысл его жизни, поэтому его постоянно одолевают мысли о напрасно прожитой жизни и надвигающейся одинокой старости. Он понимает, что ни ему, ни его поколению не осуществить реформ, не изменить существующего порядка вещей.

В этом романе, как и в предыдущем, выразилось двойственное отношение Тургенева к дворянскому классу. Об этом хорошо сказано в книге А. Б. Есина «Психологизм русской классической литературы»:

«В дворянстве Тургенев уже давно подметил неспособность к решительному действию, шире – бездеятельность, созерцательность как закономерную нравственную основу характера. Не поставленные перед необходимостью трудиться, не воспитавшие в себе этой привычки, дворяне оказываются и нравственно ущербными, проявляя свою несостоятельность в самых разных ситуациях – от социальных до интимно-бытовых. Эту черту дворянства в изображении Тургенева особо отметил Чернышевский в статье «Русский человек на rendez-vous».

С другой стороны, дворянство для Тургенева всегда было и оставалось носителем чрезвычайно ценных нравственных качеств. Это способность поэтически восприни-

мать действительность, сильно и глубоко чувствовать, душевная тонкость и чуткость, высокая эстетическая и эмоциональная культура. Благородство нравственных принципов было чрезвычайно симпатично Тургеневу в лучших представителях дворянства»⁵³.

Неоднозначное отношение Тургенева к дворянству проявилось и в его последующих произведениях («Отцы и дети» и др.).

В «Дворянском гнезде» присутствует и любовная тема, которая решается по-тургеневски трагично. Первая любовь Лаврецкого и его женитьба на Варваре Павловне – то самое призрачное счастье, оказавшееся обманом, пошлостью, способствовавшее нравственной гибели героя и его душевному опустошению. Как заклинание звучат слова Глафиры Петровны, которая, уходя из дому, где она была полновластной хозяйкой, говорит племяннику:

«Я вижу, что я здесь лишняя! Знаю, кто меня отсюда гонит, с родового моего гнезда. Только ты помани моё слово, племянник: не свить же и тебе гнезда нигде, скитаться тебе век. Вот тебе мой завет» (2, 186-187).

В Лизе Калитиной было всё, чтобы, по словам Д. И. Писарева, «любить, наслаждаться счастьем, доставлять счастье другому и приносить разумную пользу»⁵⁴. Но не суждено было молодым людям быть вместе: они опять-таки встают перед проблемой выбора между счастьем и долгом. У Лаврецкого это выбор между счастьем с Лизой и долгом, требующим вернуться к жене, которую он считал умершей. Лиза говорит Лаврецкому во время последней встречи: «Нам обоим остаётся исполнить наш долг» (2, 285). То есть она сама просит его вернуться к жене.

Не имея возможности быть с любимым человеком, Лиза решает уйти в монастырь. Но не только этим определяется её решение:

⁵³ *Есин А. Б.* Психологизм русской классической литературы. – М.: Просвещение, 1988. – С. 85.

⁵⁴ *Писарев Д. И.* Указ. соч. – Т. 1. – С. 30.

«<...>Я решилась, я молилась, я просила совета у Бога... Такой урок не даром; да я уж не в первый раз об этом думаю. Счастье ко мне не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я всё знаю, и свои грехи, и чужие; и как папенька богатство наше нажил; я знаю всё. Всё это отмолить, отмолить надо <...> Чувствую я, что мне не житьё здесь; я уже со всем простила, всему в доме поклонилась в последний раз; отзывает меня что-то; тошно мне, хочется мне запереться навек» (2, 298-299).

«Фанатическое увлечение неправильно понятым нравственным долгом»⁵⁵, возникшее у неё под влиянием религиозного воспитания, привело её к отказу от личного счастья во имя ложно понятого долга. Так объяснял Д. И. Писарев её поступок.

«Не утешения искала она в монастыре, не забвения ждала она от уединённой и созерцательной жизни: нет! Она думала принести собою очистительную жертву, думала совершить последний, высший подвиг самопожертвования»⁵⁶.

Сам того не желая, Тургенев показал логический финал проповедуемой им морали долга и отречения. Лиза – последовательная выразительница этой морали – доходит до предела: она постригается в монахини. То есть получается так, что, отказываясь от борьбы за счастье, человек последовательный и цельный неизбежно придёт к полному устранию себя из мирской жизни, к разобщению с людьми и, следовательно, к фактическому отрицанию общественного долга.

«Дворянское гнездо» имело большой успех.

«Со времени появления этого романа я стал считаться в числе писателей, заслуживающих внимания публики» (11, 404), – писал о себе Тургенев.

⁵⁵ Писарев. Д. И. Указ. соч. – Т. 1. – С. 30.

⁵⁶ Там же. – С. 30-31.

Кроме того, Тургенев выразил мысль о том, что историческая роль передового дворянства окончательно исчерпана и что России нужны другие деятели, не «лишние люди». Но какие же в таком случае нужны?

Ответом на этот вопрос стал роман *«Накануне»* (1859, опубликован в 1860 году). Здесь дана попытка (и очень удачная) обрисовать нового героя – революционера-болгарина Инсарова и новую женщину Елену, во всём ему преданную. Инсаров способен отказаться от всего личного ради долга перед обществом, перед Родиной, в его поступках нет противоречия между словом и делом. Но желание соединить несоединимое (счастье с Еленой и долг перед Родиной) кончается крахом – болезнью и смертью Инсарова. В последнем письме к родителям Елена пишет:

«Я искала счастья и найду, быть может, смерть» (3, 162).

Кроме того, в образе Инсарова есть такие черты, которые явно не соответствовали русским реалиям того времени. Он готовится к борьбе с внешними врагами своей родины, и в национально-освободительной борьбе за ним пойдёт и первый богач, и последний бедняк. Об этом Инсаров говорит Елене:

«Заметьте: последний мужик, последний нищий в Болгарии и я – мы желаем одного того же. У всех у нас одна цель. Поймите, какую это даёт уверенность и крепость!» (3, 36).

Иначе говоря, в *«Накануне»* показана героическая борьба всего народа за общенациональные интересы. У русского демократа задача гораздо сложнее и труднее, чем у Инсарова: ему предстоит борьба не с внешними, а с внутренними врагами.

В статье «Когда же придёт настоящий день?» Н. А. Добролюбов с радостью говорил о появлении русского Инсарова. Однако открытый призыв к революции пугал Тургенева, который, по собственному признанию, всегда был и оставался «постепеновцем».

«<...> Я всегда был и до сих пор остался “постепеновцем”, либералом старого покроя в английском династическом смысле, человеком, ожидающим реформ только *свыше*, – принципиальным противником революций <...>» (11, 396).

Несмотря на просьбы Тургенева не печатать статью Добролюбова, она всё же вышла в «Современнике», что, как мы уже говорили, стало поводом для писателя покинуть журнал. Его следующий роман – «Отцы и дети» – был опубликован в журнале «Русский вестник». Впоследствии Тургенев в основном признал справедливость статьи Добролюбова.

Однако в споре с Чернышевским 10 января 1860 г. он сказал:

«Вас я могу ещё переносить, но Добролюбова не могу. <...> Вы – простая змея, а Добролюбов – очковая змея»⁵⁷.

Тогда ещё Добролюбов был жив. Но смерть критика в 1861 году очень опечалила Тургенева.

«Я пожалел о смерти Добролюбова, хотя и не разделял его воззрений: человек был даровитый – молодой... Жаль погибшей, напрасно потраченной силы!» (12, 326).

Говоря о «погибшей, напрасно потраченной силе», очевидно, Тургенев имел в виду то, что путь революционера-демократа он всегда считал ошибкой, путём в никуда, а людей, пошедших по этому пути, – исторически обречёнными, потратившими свои силы впустую.

С некоторой иронией Тургенев писал П. В. Анненкову:

«Огорчила меня смерть Добролюбова, хотя он собирался меня съесть живым. Последняя его статья («Забитые люди» – *И.Т.*), как нарочно, очень умна, спокойна и дельна» (12, 327).

⁵⁷ Чернышевский Н. Г. В изъявление признательности. Письмо к г. 3-ну // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 16 т. – М.: ГИХЛ, 1951. – Т. 10. – С. 123.

Однако образ «русского Инсарова» Тургенев всё-таки создал. Им стал Базаров – герой романа *«Отцы и дети»* (1862).

Роман отразил пору подготовки и проведения крестьянской реформы, дальнейшее обострение борьбы между противодействующими силами русского общества – либералами и революционерами-демократами.

С романом «Отцы и дети» в литературу и общественное сознание вошло понятие «нигилист».

«Нигилист – это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружён этот принцип» (З, 186), – так объясняет значение этого слова Аркадий.

Уже говорилось о двойственности отношения Тургенева к дворянству. В уже упоминавшейся книге А. Б. Есина сказано также и о двойственности отношения Тургенева к разночинцам-демократам.

«В характере разночинца-демократа Тургенев увидел противоположное, но столь же противоречивое соотношение душевных качеств. Способность к практическому действию, привычка к труду и потребность в нём, а отсюда – решительность характера, внутренняя уверенность в себе, психологическая устойчивость личности – те качества, которые Тургеневу представляются чрезвычайно ценными и необходимыми как для общества, так и для отдельной личности. Превосходство разночинцев над дворянами связано в сознании Тургенева именно с тем, что “новые люди” – это не созерцатели, а деятели.

Но каковы нравственные цели и основания этой деятельности? Деятельность – во имя чего? Этот важнейший для Тургенева вопрос обнаруживает другую сторону в характере разночинца-демократа, как его понимал писатель. В глазах Тургенева этот тип оказывается так же ущербен, как и дворянство, хотя и на свой лад. В характере разночинцев-демократов Тургенев не увидел поэтического отношения к жизни, высоты и культуры чувств. Философия ути-

литаризма, практической пользы, вульгарно-материалистические взгляды обедняют личность, ставят во главу угла практицизм, не оставляя места романтике, и подвергают сомнению дорогие Тургеневу свойства личности: способность высоко и поэтически любить женщину, чувствовать красоту искусства и природы, сохранять и развивать с таким трудом накопленный багаж культуры в поведении, быту, человеческих отношениях и пр. Тургенев не только с надеждой, но и с тревогой всматривался в молодое поколение, видя в нём как симпатичные ему жизненную силу и энергию, так и глубоко неприемлемый практицизм, доходящий до цинизма.

Таким образом, нравственная сущность характера и дворянина, и разночинца предстаёт в романе противоречивой, сочетающей в себе и плюсы, и минусы. (Важно помнить при этом, что Базаров не просто воспроизведение демократа-разночинца, каким он был в реальной исторической действительности, а образ этого социального типа *в представлении и понимании Тургенева.*)⁵⁸.

Н. В. Шелгунов писал о романе:

«В литературной деятельности Тургенева “Отцы и дети” – это история двух поколений – явились рубежом его собственного общественного значения. По ту сторону стоял молодой Тургенев, поклявшийся когда-то бороться против крепостного права, а по сю – Тургенев, протестующий против тех, кто тем же путём пошёл дальше»⁵⁹.

Известно, что в политической жизни России конца 1850-х-начала 60-х годов происходит быстрая дифференциация общественных сил, окончательно оформляются два политических лагеря: либеральных дворян и революционных разночинцев. Если в 1840-е годы они вместе боролись против крепостного права, то теперь они чувствовали взаимную вражду. Яркий пример этому в реальной жизни – раскол в журнале «Современник» в 1860 году. Дворянские писатели Л. Н. Толстой,

⁵⁸ Есин А. Б. Указ. соч. – 85-86.

⁵⁹ Шелгунов Н. В. Указ. соч. – С. 191.

И. С. Тургенев, Д. В. Григорович, придерживавшиеся либеральных взглядов и не согласные с революционным образом мыслей Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, покинули журнал.

В романе «Отцы и дети» подобные разногласия, существовавшие в реальной жизни, отразились в спорах Базарова с Павлом Петровичем.

В образе оппонента Базарова – Павла Петровича Кирсанова – показано старомодное культурное дворянство, воспитанное в традициях русской аристократии онегинского времени. Это надменный аристократ, в прошлом «светский лев», обладающий твёрдой и решительной натурой (недаром он избрал для себя военную карьеру). В отличие от своего слабохарактерного брата, он очень решительно настроен по отношению к Базарову:

«Ну, я так скоро не сдамся. <...> У нас ещё будет схватка с этим лекарем, я это предчувствую» (3, 211).

Однако, несмотря на решительность натуры Павла Петровича, на самом деле только любовь может дать ему настоящее счастье. Вся его жизнь оказалась разбита несчастной страстью к княгине Р., ради которой он пожертвовал карьерой и положением в свете. После окончательного разрыва, а затем и смерти своей возлюбленной он почувствовал себя опустошённым и разбитым. Автор рассказывает о жизненной драме своего героя сочувственно, но не сбрасывает со счетов и мнение Базарова, утверждающего, что Павел Петрович прожил жизнь впустую:

«<...> Человек, который всю свою жизнь поставил на карту женской любви и когда ему эту карту убили, раскис и опустился до того, что ни на что не стал способен, этаким человек – не мужчина, не самец» (3, 196-197).

Вся жизнь Павла Петровича подчинена определённым принципам.

«Мы, люди старого века, мы полагаем, что без принципов <...> принятых <...> на веру, шагу ступить,дохнуть нельзя»

(3, 187) <...> «Без принципов жить в наше время могут одни безнравственные или пустые люди» (3, 213). Таково его глубокое убеждение.

К «принципам» Павла Петровича относится, в частности, его аристократизм на английский манер и бездумное низкопоклонство перед всем заграничным.

«<...> Я уважаю аристократов – настоящих. Вспомните, милостивый государь, <...> английских аристократов. Они не уступают йоты от прав своих, и потому они уважают права других; они требуют исполнения обязанностей в отношении к ним, и потому они сами исполняют *свои* обязанности. Аристократия дала свободу Англии и поддерживает её» (3, 212).

Аристократизм самого Павла Петровича проявляется в том, что, безвыездно живя в деревне, он изысканно одевается, пользуется дорогими духами, ухаживает за собой, у него изящные манеры. (Он прямой антипод Базарову, который меньше всего думает о приличиях.). Сам он так объясняет свои привычки Базарову:

«Я очень хорошо знаю, например, что Вы изволите находить смешными мои привычки, мой туалет, мою опрятность, наконец, но это всё проистекает из чувства самоуважения, из чувства долга, да-с, да-с, долга. Я живу в деревне, в глуши, но я не роняю себя, я уважаю в себе человека» (3, 212).

Павел Кирсанов абстрагируется от российской действительности, не касается хозяйства и, говоря с крестьянами, морщится и нюхает одеколон.

Отметив положительные черты Павла Петровича (безукоризненную честность и порядочность, способность любить, рыцарские взгляды на женщину и др.), автор в то же время блестяще показывает его нежизнеспособность, неумение трудиться, незнание российской действительности, отвлечённый характер мышления, его устаревшие и смешные для новых исторических условий взгляды на дворянскую честь и способы её защиты. Тургенев понимал, что Павел Кирсанов – «мертвец»:

«Освещённая ярким дневным светом, его красивая, исхудалая голова лежала на белой подушке, как голова мертвеца... Да он и был мертвец» (3, 332).

Вписаться в новую жизнь, идти в ногу со временем Павел Петрович не может.

Несмотря на название произведения, всё же главное в нём – не конфликт поколений (хотя это в незначительной степени тоже есть в романе), а конфликт двух идеологий – дворянской и разночинской.

Разночинскую идеологию представляет Базаров. В образе Павла Петровича Тургенев отразил некоторые типичные черты тех представителей дворянской интеллигенции, которые в 1860-е годы расстались со своими прежними либеральными иллюзиями и перешли на консервативные позиции.

Этот конфликт типичен для 1860-х годов. В чём же он заключается? Постараемся понять это с помощью таблицы.

В этом конкретно-историческом конфликте Базаров, человек, уверенный в себе, умеющий вести спор и отстаивать свои убеждения, без труда одерживает победу над Павлом Петровичем, которому вряд ли вообще когда-нибудь приходилось отстаивать в споре свою позицию, – тем самым автор признаёт за революционными демократами больше исторической правды и силы.

Итак, в **первом** конфликте Базаров побеждает. Однако конфликт идеологий не единственный и не главный в романе: ведь совсем не так трудно «разбить» Павла Петровича в споре.

Второй конфликт романа более значим, чем первый. Ведь, несмотря на различия во взглядах, Базаров и Павел Петрович спокойно живут в одном доме. Конечно, Базаров смотрит на дядю Аркадия как на чудака, считая его «архаическим явлением» (3, 181), но относится к нему вполне лояльно. Павел Петрович, считая Базарова «гордецом, нахалом, циником, плебеем» (3, 208), возненавидел «этого лекаришку», но всё же приехавший гость – это своеобразное развлечение в его скучной и однообразной жизни. Ведь с ним можно поспорить, показать свой интеллект!

Таблица

<p>Дворянская идеология: расцвет – 1840-е гг.</p>	<p>Разночинская идеология: расцвет – 1860-е гг.</p>
<p>Увлечение философскими науками, стремление с их помощью понять и объяснить мир.</p>	<p>Стремление изучить точные и естественные науки, основанные на опыте (химия, математика, естествознание, статистика), с помощью которых можно и нужно не просто объяснить, но и улучшить, изменить мир.</p>
<p>Служение красоте. Идеал – античная красота.</p>	<p>Основной критерий не красота, а полезность.</p>
<p>Обожествление природы (природа – храм).</p>	<p>Овладение природой (природа – мастерская).</p>
<p>Склонность к мечтательности, романтическое, субъективное восприятие действительности (то есть стремление видеть то, что хочется, а не то, что есть).</p>	<p>Реалистическое, трезвое восприятие действительности.</p>
<p>Проповедь возвышенного идеализма, в литературе – «чистого искусства».</p>	<p>Проповедь материализма, часто даже «вульгарного материализма», недооценивающего роль сознания.</p>
<p>Пассивность передового дворянского либерализма (осмыслители, созерцатели, наблюдатели). Осознание своей несостоятельности. Растерянность, неспособность к действию, сомнение в своих силах, сознание обречённости. «Лишние люди» с высокой утончённой культурой. «Умные ненужности».</p>	<p>Стремление к активной деятельности, связанной с изменением существующего строя. Горячая вера в свои силы. Отрицание дворянской идеологии, стремление к переустройству общества в силу того, что признаётся полезным («место расчистить»). Нужные люди, перешедшие от слов к делу.</p>

Важную роль в романе играет столкновение Базарова с теми жизненными явлениями, существование которых он или не признавал, или недооценивал. Сюжетный ход романа сложен: поступательное движение героя в начале романа сменяется затем движением вспять. Базаров чувствует свою незащищенность перед теми стихиями бытия, существование которых он отрицал.

С точки зрения Базарова, любовь – чувство чисто физиологическое. «Нравится тебе женщина, – говаривал он, – старайся добиться толку; а нельзя – ну не надо, отвернись – земля не клином сошлась» (3, 256), рыцарские чувства он считал чем-то вроде уродства или болезни. По поводу истории Павла Петровича он заявляет, что всё это «романтизм, чепуха, гниль, художество» (3, 197), считая эти слова синонимами. Однако сам же не выдерживает испытания любовью.

«...Он скоро понял, что с ней (Одинцовой – И.Т.) “не добьешься толку”, а отвернуться от неё он, к изумлению своему, не имел сил. Кровь его загоралась, как только он вспоминал о ней; он легко сладил бы со своею кровью, но что-то другое в него вселилось, чего он никак не допускал, над чем всегда трунил, что возмущало всю его гордость. В разговорах с Анной Сергеевной он ещё больше прежнего высказывал своё равнодушное презрение ко всему романтическому; а, оставшись наедине, он с негодованием сознавал романтика в самом себе. Тогда он отправлялся в лес и ходил по нему большими шагами, ломая попадавшиеся ветки и браня вполголоса и её, и себя; или забирался на сеновал, в сарай, и, упрямо закрывая глаза, заставлял себя спать, что ему, разумеется, не всегда удавалось. Вдруг ему представится, что эти целомудренные руки когда-нибудь обовьются вокруг его шеи, что эти гордые губы ответят на его поцелуи, что эти умные глаза с нежностью – да, с нежностью останутся на его глазах, и голова его закружится, и он забудется на миг, пока опять не вспыхнет в нём негодование. Он ловил самого себя на всякого рода “постыдных” мыслях, точно бес его дразнил» (3, 256-257).

Живая жизнь поправляет Базарова-теоретика. Не случайно он признаётся Одинцовой, что «влюблён глупо, безумно». Глупо, безумно – с точки зрения его теории.

Считая, что «природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник» (3, 207), в конце романа Базаров вынужден признать превосходство природы над человеком: ведь он умирает, а природа остаётся. В этом смысле очень характерен финал романа – посещение стариками Базаровыми могилы сына. Он выражает именно этот мотив «вечного примирения и бесконечной жизни», который олицетворяет собой «равнодушная» природа (3,370). Этот мотив присутствует в стихотворении А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829), где есть строки:

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.*

И Тургенев соглашается с поэтом. Не случайно слово «равнодушная» применительно к природе взято им в кавычки.

Сам Базаров также вынужден признать красоту природы, её положительное воздействие на человека. Вспомним его слова об осине.

«Та осина напоминает мне моё детство; она растёт на краю ямы, оставшейся от кирпичного сарая, и я в то время был уверен, что эта яма и осина обладали особенным талисманом: я никогда не скучал возле них» (3, 290-291).

Меняется и отношение Базарова к красоте. Утверждая, что «Рафаэль гроша медного не стоит» (3, 218), а «порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта» (3, 190), тем самым Базаров в начале романа отрицает и искусство, и красоту, потому что в них, с его точки зрения, нет никакой практической пользы.

Однако через какое-то время он замечает красоту роз у Фенечки и даже просит подарить ему одну из них. Видит он и красоту самой Фенечки. «И в самом деле, есть ли на свете что-

нибудь пленительнее молодой красивой матери со здоровым ребёнком на руках?» (3, 200), – писал Тургенев, и Базаров не может не залюбоваться на Фенечку.

И Базаров сам вдруг начинает говорить красиво. «Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет» (3, 365), – говорит он перед смертью.

Отношение Базарова к народу также меняется: в начале романа его мысли совпадают с мыслями революционеров-демократов о том, что народ нужно просветить, вывести из рабского, униженного состояния.

«Народ полагает, что когда гром гремит, это Илья-пророк в колеснице по небу разъезжает. Что ж? Мне соглашаться с ним?» (3, 214).

(Заметим в скобках, что, хотя в романе Базаров больше показан как нигилист, автор считал его ещё и революционером: «Если он называется нигилистом, то надо читать: революционером»⁶⁰).

Критик советского времени А. В. Луначарский справедливо отмечал, что Тургенев «не договорил своих мыслей о нём до конца»⁶¹. «Либо он должен был его дальше развернуть и превратить в буржуазный самодовольный тип крупного учёного и т.д., или сделать из него революционера»⁶²).

Однако к концу романа Базаров называет народ «таинственным незнакомцем» (3, 323) и говорит о нём с раздражением.

«Да вот, например, ты сегодня сказал, проходя мимо избы нашего старосты Филиппа, – обращается он к Аркадию, – она такая славная, белая, – вот, сказал ты, Россия тогда достигнет совершенства, когда у последнего мужика будет такое же помещение, и всякий из нас должен этому способствовать... А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет ... да и на что мне

⁶⁰ Тургенев И. С. Собр. соч. В 11 т. – М.: Правда, 1949. – Т.11. – С. 215.

⁶¹ Луначарский А. В. Отрывок из статьи «Литература шестидесятых годов» // Тургенев в русской критике. Сб. ст. Указ. соч. – С. 462.

⁶² Там же. – С. 464.

его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну, а дальше?» (3, 294).

Скепсис и неверие в будущее народа не были присущи реальным революционерам-демократам (Чернышевскому, Добролюбову и др.). Однако позиция Тургенева была принципиально иной: путь революционера-разночинца казался ему заблуждением, а люди, пошедшие по этому пути, даже если они умны, привлекательны, честны, как Базаров, представлялись автору трагическими фигурами (о Базарове как о фигуре трагической Тургенев писал неоднократно)⁶³. Это и отразилось в разработке писателем образа нигилиста-лекаря. Поэтому во второй части романа автор заставил своего героя поступиться рядом убеждений, в том числе и пересмотреть отношение к народу⁶⁴.

То же самое можно сказать и об отношении героя к проблеме человека и обстоятельств. Если вначале он уверен, что всякий человек сам себя воспитать должен и что не он должен зависеть от времени, а время – от него, то в конце эта проблема предстаёт как бы в перевёрнутом виде:

«Я нужен России... Нет, видно не нужен» (3, 364).

Уже упоминавшийся критик Н. Н. Страхов писал:

«<...> Об «Отцах и детях» можно сказать, что в них есть лицо, стоящее выше всех лиц и даже выше Базарова, – жизнь. Эта жизнь, подымающаяся выше Базарова <...>»⁶⁵.

Кульминацией романа является сцена дуэли. Знаменательно то, что причиной дуэли становятся не идейные разногласия Базарова и Павла Петровича. Конфликт происходит

⁶³ См. высказывания И. С. Тургенева: «Я хотел сделать из него лицо трагическое – тут было не до нежностей» (12, 339). «Смерть Базарова <...> должна была, по-моему, наложить последнюю черту на его трагическую фигуру» (12, 341). «Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная – и всё-таки обречённая на гибель – потому что она всё-таки стоит ещё в преддверии будущего» (12, 341).

⁶⁴ См.: *Пустовойт П. Г.* И. С. Тургенев – художник слова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С. 166.

⁶⁵ *Страхов Н. Н.* И. С. Тургенев. «Отцы и дети» // Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике. Указ. соч. – С. 253.

на вечной основе, на основе любви, и причиной его становится Фенечка: Павел Петрович увидел, как Базаров её поцеловал. С одной стороны, Фенечка – невенчанная жена его брата и мать его племянника Мити, а для Кирсанова понятие чести семьи, дворянской чести играет далеко не последнюю роль. С другой стороны, Павел Петрович сам тайно любит «это пустое существо» (3, 325), которое так напоминает ему бывшую возлюбленную – княгиню Р, в чём он признаётся брату. Но он и думать не смеет о том, чтобы её поцеловать. Более того, он произносит слова: «Я не потерплю, чтобы какой-нибудь наглец посмел коснуться...» (3, 325-326) А тут какой-то «лекаршко» слишком много себе позволяет! Старший Кирсанов этого стерпеть не смог!

Дуэль показана в романе карикатурно, она проходит с явным нарушением правил и формальностей, хотя бы потому, что Павел Петрович – дворянин, а Базаров – разночинец, а дуэли проводились между представителями одного сословия, обычно между дворянами. У дуэлянтов не было секундантов, что также является грубым нарушением правил, а был только свидетель – камердинер Пётр.

Однако дуэль выявляет общее у этих столь разных людей. Мы видим, что оба они «рассыропившиеся» жертвы любви, оба не поняты близкими, оба трагически одиноки.

В конце романа происходит своеобразная перегруппировка персонажей. Если вначале Базаров один противостоит «отцам», то теперь они с Павлом Петровичем, в силу указанных обстоятельств, оказываются как бы на одном полюсе. А на другом полюсе – Николай Петрович с Фенечкой, Аркадий с Катей, Одинцова с новым мужем – счастливые, насколько это для них возможно.

Таково итоговое звучание конфликта романа.

Роман вызвал оживлённую полемику. Тургенева неоднократно обвиняли в том, что он, создав образ Базарова, нарисовал карикатуру на молодое поколение, – это стало общим местом для критики. Иван Сергеевич был решительно не согласен с таким обвинением.

«Базаров – это моё любимое детище, – писал он, – <...> Базаров – этот умница, этот герой – карикатура?.. Мне навя-

зывают желание уязвить молодёжь карикатурой. Я давно уже с презрением отношусь к этой клевете» (12, 462).

И в другом месте:

«Личные мои наклонности тут ничего не значат; но, вероятно, многие из моих читателей удивятся, если я скажу им, что, за исключением воззрений Базарова на художества, я разделяю почти все его убеждения. А меня уверяют, что я на стороне “отцов”» (10, 349).

Но это не совсем так. Как уже говорилось, Тургенев двойственно относился и к «отцам», и к «детям», его до конца не устраивали ни те, ни другие. И в чём-то близкий к автору образ – это Николай Петрович. Сам Тургенев признавал: «Н.П. – это я, Огарёв и тысячи других» (12, 340).

Наиболее верную оценку роману дал Страхов.

«Какой же смысл романа? – спросят любители голых и точных выводов. Составляет ли, по-вашему, Базаров предмет подражания? <...> Одним словом, написан ли роман за молодое поколение или *против* него? Прогрессивный он или ретроградный?

<...> Написать роман с прогрессивным или ретроградным направлением ещё вещь нетрудная. Тургенев же имел притязания и дерзость создать роман, имеющий *всевозможные* направления; поклонник вечной истины, вечной красоты, он имел гордую цель во временном указать на вечное и написал роман не прогрессивный и не ретроградный, а, так сказать, *всегдашний*.

<...> *Смена поколений* – вот наружная тема романа. Если Тургенев изобразил не всех отцов и детей, или не *тех* отцов и детей, каких хотелось бы другим, то *вообще* отцов и *вообще* детей, и отношения между этими двумя поколениями он изобразил превосходно. Может быть, разница между поколениями никогда не была так велика, как в настоящее время, а потому и отношение их обнаружилось особенно резко. Как бы то ни было, для того, чтобы измерять разницу между двумя предметами, нужно употреблять одну и ту

же мерку для обоих; чтобы рисовать картину, нужно взять изображаемые предметы с одной точки зрения, общей для всех них.

Эта одинаковая мера, эта общая точка зрения у Тургенева есть жизнь человеческая, в самом широком и полном её значении»⁶⁶.

Автор исходил из того, что «точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни есть высочайшее счастье для литератора, даже если эта истина не совпадает с его собственными симпатиями» (10, 349). И ему удалось сделать это в своём романе неотразимо убедительно и высокохудожественно. Поэтому «Отцы и дети», являясь, с одной стороны, памятником политических и идеологических баталий и нравов давно прошедших лет, в то же время классическое произведение на все времена и для всех поколений.

Тургенев после «Отцов и детей»

«Отцы и дети» – центральное произведение Тургенева – стало для него переломным. После публикации романа в творчестве его автора наступил период кризиса. Тургенев почти ничего не писал, был в апатии.

Чем это было вызвано? – Разными причинами. И общественно-политической ситуацией в России, и событиями жизни самого писателя.

М. Е. Салтыков-Щедрин отмечал то огромное влияние, которое оказывал на писателя журнал «Современник», считая, что после «Отцов и детей» Тургенев не написал ничего достойного внимания:

«Нет около него (Тургенева – *И.Т.*) никого – оттого он и уснул. Нет никого, кто бы вызывал его на споры и будил его мысль. В этом отношении разрыв с “Современником” убил его. Последнее, что он написал, – “Отцы и дети” – было плодом его общения с “Современником”. Там были озорники

⁶⁶ Страхов Н. Н. Указ. соч. – С. 249-250.

неприятные, но которые заставляли мыслить, негодовать, возвращаться и перерабатывать себя самого»⁶⁷.

Весной 1862 года Тургенев приехал в Лондон и провёл несколько дней в кругу своих старых друзей: А. И. Герцена, Н. П. Огарёва и недавно бежавшего из сибирской ссылки и эмигрировавшего М. А. Бакунина. Но радость встречи была во многом омрачена возникшими между ними разногласиями, касавшимися будущего России и её отношений с Западом.

Тургенев, по его собственным словам, всегда был «кореным, неисправимым западником» (10, 349).

Герцен не принадлежал ни к одной явной или тайной партии. Его отталкивала от многих революционных деятелей Европы их односторонность. Вместе со славянофилами он разочаровался в западной культуре, хотя не отрицал возможности того, что и Россия пройдёт через стадию буржуазного развития. Говоря о будущем родины и толерантно относясь ко всем религиям, Герцен признавал, однако, многие преимущества за православием по сравнению с католицизмом и протестантством.

Крестьянская община должна была стать, по Герцену, основой построения социалистического общества. Так возник его «русский» социализм, исходивший из идеи самобытного пути развития России, которая, минуя капитализм, придёт к социализму через крестьянскую общину. Объективными условиями возникновения таких идей явились слабое развитие капитализма в России, отсутствие пролетариата и наличие сельской общины. Кроме того, Герцен стремился избежать «язв капитализма», которые он видел в странах Западной Европы. «Русский социализм» боролся не только против устаревших феодально-крепостнических порядков, но и против капитализма, противопоставляя ему специфически русский путь развития. Эти положения Герцена впоследствии были восприняты народниками.

Огарёв был сторонником уничтожения крепостного права путём крестьянской революции, развил теорию «русского социализма», выдвинутую Герценом. В социалистических воззрениях Огарёва важную роль играли народнические тен-

⁶⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. – Т. 18. – Кн. 2. – С. 262.

денции, поэтому он участвовал в создании революционной организации «Земля и воля» (1860-1861), а затем в пропагандистской кампании М. А. Бакунина и С. Г. Нечаева (1869-1870).

Изменилось отношение Тургенева к народу. Если в «Отцах и детях» он иронизировал по поводу заявления Павла Петровича, говорившего Базарову: «Нет, русский народ не такой, каким вы его воображаете. Он свято чтит предания, он патриархальный, он не может жить без веры» (3, 214), то 26 сентября (8 октября) 1862 года Тургенев писал Герцену:

«...народ, перед которым вы преклоняетесь, консерватор par excellence (по преимуществу, [франц.] – И.Т.)...». ⁶⁸

Тургенев возлагает свои надежды не на народ, а на интеллигенцию.

Таковы были возникшие между друзьями разногласия. Споры достигли такого накала, что Тургенев испытывал известное раздражение против Огарёва, антипатию к нему, что видно из многих его высказываний. «Признаюсь, лучше быть неполитиком в моём роде, чем политиком вроде Огарёва или Бакунина»⁶⁹, – писал он А. И. Герцену 23 октября (4 ноября) 1862 г. В том же письме Тургенев иронически называл Огарёва «великим социалистом».

В письме А. И. Герцену от 21 ноября (3 декабря) 1862 года Тургенев назвал три основных причины нерасположения к Огарёву:

«Ты требуешь, чтобы я тебе изложил причины моего нерасположения к Огарёву как писателю. Я готов тебе повиноваться. <...> Итак, Огарёву я не сочувствую, во-первых потому, что в своих статьях, письмах и разговорах он проповедует старинные социалистические теории об общей собственности и т. д., с которыми я не согласен; во-вторых потому, что он в вопросе освобождения крестьян и тому подобных – показал значительное непонимание народной жизни и совре-

⁶⁸ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 28 т. Письма. – М.; Л.: Наука, 1963. – Т. 5. – С. 52.

⁶⁹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. – 2-е изд., испр. и доп. Т. 5. Письма. – М.: Наука, 1988.

менных её потребностей – а также и настоящего положения дел; в-третьих, наконец, – потому, что даже там, где он почти прав <...>, он излагает свои воззрения языком тяжёлым, вялым и сбивчивым, обличающим отсутствие таланта»⁷⁰.

Критика даже высказывала предположения, что Огарёв – это прототип Губарёва в романе «Дым», памфлет на него (тем более что бросается в глаза созвучие фамилий). Но, исходя из высказываний самого Тургенева, это вряд ли могло быть так.

Раздражение было вызвано не личной неприязнью, а различием мировоззренческих позиций и носило временный характер. В марте 1869 года Тургенев писал:

«Я никогда не был высокого мнения о его (Огарёва – И.Т.) литературной деятельности, но всегда уважал его и знаю, какое у него золотое сердце» (12, 407).

Это объективная оценка.

К разногласиям добавились ещё впечатления Тургенева после возвращения его в Россию в начале лета 1862 года. Напомним, что 1862 год – период, когда реакция переходит в некоторое наступление. А.И. Герцен писал:

«“День” запрещён, “Современник” и “Русское слово” запрещены, воскресные школы заперты, Шахматный клуб заперт, деньги, назначенные для бедных студентов, отобрааны, типографии отданы под двойной надзор, два министра и Третье отделение должны разрешать чтение публичных лекций; беспрестанные аресты, офицеры, флигель-адъютанты в казематах... видно, николаевщина была схоронена заживо и теперь встаёт из-под сырой земли, в форменном саване, застёгнутом на все пуговицы»⁷¹.

Все это рождало у Тургенева невесёлые мысли.

⁷⁰ Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. – Женева, 1892. – С. 169, 176.

⁷¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч. В 30 т. – М.: АН СССР, 1959. – Т. 15. – С. 310-311.

«Моё старое литературное сердце дрогнуло, – писал он П. В. Анненкову, – когда я прочёл о прекращении “Современника”. Вспомнилось его основание, Белинский и многое...» (12, 346).

В письмах Тургенева этого периода звучат настроения разочарования, стремления отгородиться от жизни, уйти в себя.

«А меня, душа моя, – писал Тургенев в начале 1865 года своему соседу по имению и приятелю И. П. Борисову, – напрасно шевелите. Моя песенка спета. Так спокойно катится жизнь, так мало сожалений, тревог <...> Куда нам бороться и ломать деревья! Благо, чувство к красоте не иссякло; благо, можешь ещё порадоваться ей, всплакнуть над стихом, над мелодией...» (12, 356).

Такие настроения отразились и в произведениях Тургенева этого времени. Пишет он немного, и то, что пишет, мало значимо (повести «Призраки», «Довольно»). Только в январе 1867 года он завершил работу над романом «Дым», который в апреле того же года был опубликован в журнале «Русский вестник». Это означало некоторый выход из кризиса.

Как всегда, роман Тургенева был тесно связан с насущными вопросами русской жизни, теперь уже пореформенного периода. Многие изображённые в «Дыме» люди имели реальных прототипов и потому были узнаваемы современниками. В романе показаны две группировки:

1. кружок Губарёва, представляющий собой пародию на освободительное движение в России;

2. кружок реакционных генералов во главе с Ратмировым.

Тургенев весьма скептически оценивал деятельность и того, и другого лагеря, не пожалев для них сатирических красок. Именно так – как скептика – оценил его Н. Н. Страхов:

«Всего лучше нам кажется назвать Тургенева именно скептиком. Как скептик, он, естественно, должен был одинаково оттолкнуться от обеих наших партий: и от славянофилов, и от западников»⁷².

⁷² Страхов Н. Последние произведения Тургенева // Заря. – 1871. – Кн. 2. – Отд. 2.

Изображая кружок Губарёва, автор имел в виду главным образом русскую эмиграцию в Гейдельберге. В одном из писем к Герцену он назвал сцены у Губарёва «гейдельбергскими арабесками» (12, 373). В этой среде было немало людей, для которых революционные убеждения были только модой, – это люди типа Ситникова и Кукшиной в «Отцах и детях».

Что же конкретно представляют собой эти персонажи?

«В лагере Губарёва процветают пустые словопрения: из уст фразёра Ворошилова, как из рога изобилия, сыпались имена учёных, о которых он сам имел смутное представление; всегда восторженный и перед всеми лебезящий Бамбаев в конце романа превращается в жалкого лакея братьев Губарёвых; эмансипированная дама Матрёна Суханчикова, странствуя из края в край, сочиняет и разносит всякие небылицы и, наконец, изгнанная «великим Губарёвым», уезжает в Португалию с двумя членами собственной партии – матрёновцами; Биндасов и Пищалкин – две разновидности гоголевского Ноздрёва – дорисовывают картину губарёвского кружка, для которой Тургенев не пожалел сатирических красок. И над всеми этими персонажами возвышается их пастырь Степан Николаевич Губарёв. Бесцеремонно командуя своими адептами, он велит им писать сочинения на заданные общественные темы, и они безропотно делают это. А в финале романа Губарёв сбрасывает с себя маску «народника» и становится ярым крепостником»⁷³.

Такая метаморфоза не удивительна: для Степана Николаевича главное – руководить, а кем – не так важно.

«Кстати, как же ты говоришь, что незнаком с типом “Губарёвых”? – писал И. С. Тургенев Я. П. Полонскому в 1868 году. – <...> Вглядиись попристальнее в людей, *командующих* у нас, – и во многих из них ты узнаешь черты того типа» (12, 384).

⁷³ Пустовой П. Г. Указ. соч. – С. 195.

Не менее характерны дальнейшие судьбы членов кружка Губарёва: никто из них не дошёл до реального дела. Тит Биндасов бесславно погиб в трактирной драке. Пищалкин превратился в заурядного мирового посредника. Все эти люди беспощадно высмеиваются Тургеневым.

Однако не «гейдельбергские арабески» заняли центральное место в романе: главный удар нанесён по лагерю Ратмирова. Тургенев зло издевался над чопорностью и мнимым величием этих высокопоставленных людей. Писатель не считал необходимым индивидуализировать генералов, а предпочёл различать их по внешним признакам: «тучный генерал», «подслеповатый», «раздражительный» и др.

Их реакционная сущность наиболее ярко выражается в призыве «воротиться назад», свести на нет результаты реформ. Ненависть к университетам, семинариям, народным училищам напоминает гонения на просвещение в эпоху николаевской реакции.

Взгляды самого Тургенева в известной степени нашли отражение в речах разночинца Потугина, направленных против обоих кружков. Автор хотел представить в нём «совершенного», закоренелого западника. Однако Потугин отличается не только враждой к славянофилам (что естественно для западника), но и рабским преклонением перед всем иностранным (ср. у Грибоедова: «пустое, рабское, слепое подражанье»), причём это сопровождается презрением к своей родине и народу. В частности, он говорит о том, что даже самовар и лапти не нами выдуманы.

Тургеневу были чужды такие настроения. Тем не менее он утверждал:

«Быть может, мне одному это лицо дорого, но я радуюсь тому, что оно появилось» (12, 377).

Таким образом, Потугин лучше «ратмировцев» и «губарёвцев», но не является положительным героем романа.

Потугин – это в определённом смысле alter ego самого автора. Многим критикам и читателям этот образ не нравился, например А. И. Герцену, иронизировавшему над ним:

«Читаешь, читаешь, что несёт этот Натугин, да так и помянешь Кузьму Пруткова: “Увидишь фонтан – заткни и фонтан, дай отдохнуть и воде”»⁷⁴.

Аналогичный отзыв о речах Потугина содержался и в письме Герцена к Тургеневу от 7 (19) мая 1867 г.:

«Я искренно признаюсь, – писал Герцен, – что твой Потугин мне надоел. Зачем ты не забыл половину его болтанья?»⁷⁵

Потугин видит спасение России в развитии просвещения. Эти же мысли он стремится внушить и главному герою романа Григорию Литвинову – скромному и честному труженику, образованному помещику, осознавшему необходимость постепенного приобщения русского народа к культуре.

Литвинов призван, с точки зрения автора, сменить Базаровых, у которых нет положительной, созидательной программы: их дело – «место расчистить» (3, 214). Время Базаровых прошло, и теперь герой дня – «дюжинный честный человек» (12, 377), каковым является Литвинов. Главный герой стоит вне политики. Прожив четыре года в Европе, он возвращается в Россию, чтобы заниматься хозяйством.

Однако Литвинов получился не столько скромным тружеником, как задумывал его Тургенев, сколько хозяином, стремящимся к преобразовательской деятельности, подобно Лежнёву из романа «Рудин», но в новых условиях. Автор сумел показать все сложности, с которыми сталкивается его герой, всю неприглядность пореформенной жизни в России.

«Новое принималось плохо, старое всякую силу потеряло; неумелый сталкивался с недобросовестным; весь колебленный быт ходил ходуном, как трясина болотная» (4, 178).

Литвинов в чём-то преуспел: «возобновил фабрику, завёл крошечную ферму с пятью вольнонаёмными работни-

⁷⁴ Герцен А. И. Полн. собр. соч. В 30 т. – М.: АН СССР, 1961. – Т. 19. – С. 261.

⁷⁵ Герцен А. И. Указ. соч. – Т. 29. – С. 102.

ками...», «расплатился с главными частными долгами...» (4, 179), но это капля в море.

«Хозяйничанье в России невесёлое <...> мы не станем распространяться о том, как солоно оно показалось Литвинову. О преобразованиях и нововведениях, разумеется, не могло быть и речи; применение приобретённых за границу сведений отодвинулось на неопределённое время; нужда заставляла перебиваться со дня на день, соглашаться на всякие уступки – и вещественные, и нравственные» (4, 178).

Однако главное заключается в том, что это *дело*, которое противостоит *бездействию*, *безделью*, или замкнутому в себе эгоистическому существованию. И если Литвинов – не герой в привычном понимании этого слова (он не произносит высоких слов, не совершает никаких подвигов, не гибнет на баррикаде, как Рудин), то все остальные окружающие его люди – своего рода антигерои, изображённые автором резко критически и даже сатирически, пошляки и обыватели.

Это же осознаёт и Литвинов, понимая, что люди, с которыми он встречается, не знают ни истинных нужд России, ни истинных потребностей русского народа. Все их разглагольствования – «дым». Отсюда и смысл названия. Об этом прямо говорится в 26-й главе романа:

«Он (Литвинов – *И.Т.*) глядел, глядел, и странное напало на него размышление... Он сидел один в вагоне: никто не мешал ему. “Дым, дым”, – повторил он несколько раз; и всё вдруг показалось ему дымом, всё, собственная жизнь, русская жизнь – всё людское, особенно всё русское. Всё дым и пар, думал он; всё как будто беспрестанно меняется, всюду новые образы, явления бегут за явлениями, а в сущности всё то же да то же; всё торопится, спешит куда-то – и всё исчезает бесследно, ничего не достигая; другой ветер подул – и бросилось всё в противоположную сторону, и там опять та же безустанная, тревожная и ненужная игра. Вспомнилось ему многое, что с громом и треском совершалось на его глазах в последнее годы... дым, шептал он, дым; вспомнились

горячие споры, толки и крики у Губарёва, у других, высоко- и низкопоставленных, передовых и отсталых, старых и молодых людей... дым, повторял он, дым и пар: вспомнился, наконец, и знаменитый пикник, вспомнились и другие суждения и речи других государственных людей – и даже всё то, что проповедовал Потугин... дым, дым в больше ничего. А собственные стремления, и чувства, и попытки, и мечтания? Он только рукой махнул» (4, 175).

В любовной интриге романа главную роль играет Ирина – женщина с сильным характером, но сложенная жизнью. Она выступает как жертва той среды, которую обличает автор. В Литвинове она видит единственного честного человека, способного помочь ей, но в то же время она сама не в состоянии порвать со своим окружением, так как слишком отравлена его пороками: оно, как болото, затянуло её.

Здесь мы опять видим своеобразную трансформацию тургеневского противопоставления счастья и долга. Не желая бежать с Литвиновым, Ирина жертвует счастьем во имя ложно понятого долга. Литвинов тоже оказывается перед аналогичным выбором: Таня – его невеста, с которой он связан словом (долг), и Ирина – здесь видится возможность счастья, хотя бы и призрачного. Возвращение к Татьяне – выполненный долг. Вряд ли в данной ситуации Литвинов рассчитывает на счастье. Скорее всего, это для него компромиссное решение.

Он «предложил ей, как любимой женщине, как товарищу и другу, соединить свою жизнь с его жизнью – на радость и на горе, на труд и на отдых», на хорошее и на плохое, как говорят англичане (4, 13).

«Дым» встретил единодушное осуждение. Возможно, в этом была «виновата» критика автором и тех, и других, и правых, и левых. Это «скорее роман антипатий, чем симпатий»⁷⁶.

«Меня ругают все, – писал Тургенев, – и красные, и белые, и сверху, и снизу, и сбоку» (12, 384).

⁷⁶ Бялый Г. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. – Л.: Сов. писатель, 1990. – С. 179.

Отрицательно отнеслись к роману И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой.

Ф. И. Тютчев очень высоко ценил талант Тургенева, в частности его «Записки охотника», но роман «Дым» осудил за «всякое отсутствие национального чувства»⁷⁷. Он откликнулся эпиграммой:

*«И дым отечества нам сладок и приятен!» –
Так поэтически век прошлый говорит.
А в наш – и сам талант всё ищет в солнце пятен,
И смрадным дымом он отечество коптит!*

И ещё Тютчев написал стихотворение «Дым», где есть строки:

*Что это? Призрак, чары ли какие?
Где мы? И верить ли глазам своим?
Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым – безотрадный, бесконечный дым!*
(1867).

С «могучим и прекрасным», «волшебным лесом» Тютчев сравнивает творчество Тургенева конца 1840-50-х годов, приводившее его в восторг. А ужасающая картина лесного пожара – это роман «Дым».

Особенно интересовало Тургенева мнение Д. И. Писарева, который подробно проанализировал «Отцов и детей»; он считал писаревский разбор романа необыкновенно умным, и, самое главное, полагал, что критику удалось верно понять образ Базарова. Поэтому Тургенев сам написал Дмитрию Ивановичу, желая узнать лично от него, какое впечатление произвёл на него «Дым».

Столь же высоко Тургенев ставил понимание «Отцов и детей» Ф. М. Достоевским, о чём писал ему в одном из писем.

Что же ответил Д. И. Писарев?

⁷⁷ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. – М.; Л., 1930. – С. 264.

«Сцены у Губарёва меня несколько не огорчают и не раздражают», – писал он Тургеневу. Они, по мнению критика, «составляют эпизод, пришитый к повести на живую нитку, вероятно, для того, чтобы автор, направивший всю силу своего удара направо, не потерял окончательно равновесия и не очутился в несвойственном ему обществе красных демократов. Что удар действительно падает направо, а не налево, на Ратмирова, а не на Губарёва, – это поняли даже и сами Ратмировы».

«При всём том, – продолжает Писарев, – *Дым* меня решительно не удовлетворяет. Он представляется мне странным и зловещим комментарием к *Отцам и детям*... У меня шевелится вопрос вроде знаменитого вопроса: Каин, где брат твой Авель? Мне хочется спросить у Вас: Иван Сергеевич, куда Вы девали Базарова? Вы смотрите на явления русской жизни глазами Литвинова, Вы подводите итоги с его точки зрения, Вы его делаете центром и героем романа, а ведь Литвинов – это тот самый друг Аркадий Николаевич, которого Базаров безуспешно просил не говорить красиво. Чтобы осмотреться и ориентироваться, Вы становитесь на эту низкую и рыхлую муравьиную кочку, между тем как в Вашем распоряжении находится настоящая каланча, которую Вы же сами открыли и описали. Что же сделалось с этой каланчой? Куда она девалась? Почему её нет, по крайней мере, в числе тех предметов, которые Вы описываете с высоты муравьиной кочки? Неужели Вы думаете, что первый и последний Базаров, действительно, умер в 1859 году от пореза пальца? Или неужели же он с 1859 года успел переродиться в Биндасова? Если же он жив и здоров и остаётся самим собою, в чём не может быть никакого сомнения, то каким же образом это случилось, что Вы его не заметили? Ведь это значит не заметить слона, и не заметить его не при первом, а при втором посещении кунсткамеры, что оказывается уже совершенно неправдоподобным. А если Вы его заметили и умышленно устранили его при подведении итогов, то, разумеется, Вы сами <...> отняли у этих итогов всякое серьёзное значение»⁷⁸.

Писарев верно определил объективный смысл романа («удар <...> падает направо, а не налево»). «Забвение»

⁷⁸ Радуга. Альманах Пушкинского Дома. – Пг, 1922. – С. 218-219.

же Тургеневым Базарова критик расценивал как результат скептического отношения автора к возможностям революционного движения в России.

По поводу Базарова Тургенев отвечал Писареву:

«<...> Если его Базаров и жив – в чём я не сомневаюсь, – то в литературном произведении упоминать о нём нельзя: отнестись к нему с критической точки – не следует, с другой – неудобно; да и наконец – ему теперь только можно *заявлять* себя – на то он Базаров; а пока он себя не заявил, беседовать о нём или его устами – было бы совершенною прихотью – даже фальшью» (12, 376).

То есть по существу дела он не дал прямого ответа критику.

Тургенева смутило умолчание Писарева о Потугине:

«Вы находите, что Потугин (Вы, вероятно, хотели его назвать, а не Литвинова) – тот же Аркадий; но тут я не могу не сказать, что Ваше критическое чувство Вам изменило: между этими двумя типами нет ничего общего – у Аркадия нет никаких убеждений, а Потугин умрёт закоренелым и заклятым западником. <...> А об Литвинове и говорить нечего, он тоже не Аркадий: он дюжинный честный человек – и всё тут» (12, 376-377).

Н. Н. Страхов признал, что роман написан «*против господствующего ветра*. Ясно, как день, что в повести слышна раздражительность; ясно, как день, что эта раздражительность направлена против господствующего ветра»⁷⁹.

Революционер-народник П. Л. Лавров раскритиковал роман. Но впоследствии, в 1884 году, он изменил своё мнение и писал следующее:

«За признание *этого* (кружков Губарёва и Ратмирова – *И.Т.*) дымом, да ещё, очевидно, зловредным, удушающим, Ивану Сергеевичу прощали многое»⁸⁰.

⁷⁹ Отечественные записки. – 1867. – № 5. – С. 172.

⁸⁰ Вестн. народной воли. – 1884. – № 2. – С. 107-108.

Единственный положительный отзыв о «Дыме», появившийся в либеральной печати, принадлежал П.В. Анненкову, но его точка зрения оказалась в чём-то преувеличенной, в частности трактовка образа Потугина, в котором он видел продолжателя лучших традиций 1840-х годов, представителя кружка Белинского и Грановского.

Каково бы ни было отношение критиков к «Дыму», тем не менее, благодаря работе над романом Тургенев смог преодолеть настроения разочарования и уныния и вернуться к активному творчеству.

В последние годы Тургенев в основном жил за границей, наездами бывая на родине, но это не мешало ему внимательно следить за тем, что происходило в России. Теперь писатель хотел изобразить широкую картину русской действительности конца 1860-х – начала 1870-х годов, что он и сделал в своём последнем романе – «**Новь**» (1877).

В письме к Салтыкову-Щедрину от 3(15) января 1876 г.:

«<...> Подождите моего романа (имеется в виду роман «Новь» – *И.Т.*), а пока не сердчайте на меня, что я, чтобы не отвыкнуть от пера, пишу лёгкие и незначительные вещи... Кто знает, мне, быть может, ещё суждено зажечь сердца людей» (12, 486).

С одной стороны, он с ненавистью рисует представителей правящего класса – Калломейцева, Сипягина.

С другой стороны, на 1870-е годы, как известно, приходится деятельность революционного народничества, «хождение в народ». Это нашло отражение в романе.

Тургенев был знаком со многими русскими революционерами, сблизился с одним из теоретиков революционного народничества – П. Л. Лавровым. Как всегда, он хорошо изучил то, о чём собирался писать. Ознакомившись с программой журнала «Вперёд», который собирался издавать Лавров, Тургенев писал ему, что он согласен с основными его идеями и даже готов поддерживать его финансирование⁸¹.

⁸¹ См.: Письма И. С. Тургенева П. Л. Лаврову от 13 июля 1873 г. и 21 февр. 1874 г.

Автор стремился предельно объективно показать деятельность революционных народников, их высокие стремления, беззаветную преданность делу, но в то же время слабость и обречённость этого движения. Можно сказать, что автор занял ту же позицию, какая у него была по отношению к Базарову: «точно и сильно воспроизвести истину», даже если она не совпадает с его собственными взглядами и симпатиями.

Вот что в связи с этим он писал М. М. Стасюлевичу:

«Молодое поколение было до сих пор представлено в нашей литературе либо как сброд жуликов и мошенников, – что, во-первых, несправедливо, а во-вторых, могло только оскорбить читателей-юношей как клевета и ложь, либо это поколение, по мере возможности, возведено в идеал, что опять несправедливо – и сверх того –вредно. Я решил выбрать среднюю дорогу – стать ближе к правде; взять молодых людей большей частью хороших и честных – и показать, что, несмотря на их честность, самое их дело так ложно и нежизненно, что не может не привести их к полному фиаско» (12, 502).

Именно так изобразил Тургенев революционную молодёжь: Нежданова, Машурину, Маркелова и других. Всех они самоотверженно готовы пожертвовать жизнью во имя народа. Но их трагедия, по мысли писателя, объективно заключается в том, что они не знают крестьянской жизни, поэтому, столкнувшись с недоверием крестьян, с их равнодушием к пропаганде социалистических идей, они падают духом. Это особенно ярко показано в образе Нежданова, который, убедившись в тщетности своих усилий, разочаровавшись в деле, которому служил, чувствуя свою беспомощность, покончил жизнь самоубийством.

Особое место в романе занимает образ Марианны, в котором собраны многие положительные качества: сила, ум, самоотверженность. В отличие от Нежданова, Марианна – человек цельный, сильный и бесстрашный. Она жаждет революционного подвига и твёрдо идёт по избранному пути, хотя конечная цель ей не вполне ясна.

Тургенев во многом справедливо критиковал слабость и ограниченность народнического движения с его идеализацией патриархальных и общинных начал, непонимание народниками сложных процессов, происходивших в пореформенной деревне. Писателю удалось показать иллюзорность надежд народников на то, что крестьяне пойдут за ними. По его мнению, революционно настроенная молодёжь, искренне желавшая народу добра, пошла по неверному пути. По словам Нежданова (а с ним согласен и автор), всё это «хождение в народ» «только слегка на водевиль с переодеванием смахивает» (4, 398).

России нужна не революция, а просвещение, считал Тургенев. В качестве эпиграфа к роману он поставил слова:

«Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом» (4, 191).

«<...> *Плуг* в моём эпиграфе, – пояснял И. С. Тургенев М. М. Стасюлевичу – издателю-редактору журнала «Вестник Европы», в котором роман печатался, – не значит революция, а – просвещение» (12, 494).

Относясь с большим сочувствием к деятельности русских революционеров, Тургенев всё же отдавал предпочтение «постепеновцам», людям, ведущим повседневную работу в народе, просвещая его. Об этом он писал А. П. Философовой в сентябре 1874 года:

«Времена переменялись; теперь Базаровы *не нужны*. Для предстоящей общественной деятельности не нужно ни особенных талантов, ни даже особенного ума – ничего крупного, выдающегося, слишком индивидуального; нужно трудолюбие, терпение; нужно уметь жертвовать собою безо всякого блеску и треску – нужно уметь смириться и не гнушаться мелкой и даже низменной работы <...>» (12, 465).

Под такой «низменной» работой Тургенев подразумевал обучение крестьян грамоте, основание больниц и т.д., поэтому люди, занимающиеся ею, должны обладать терпением,

чувствами долга и подлинного патриотизма. Это должны быть «полезные» а потому лучшие люди.

Поэтому положительным героем в романе выведен «постепеновец» Соломин, который, помогая революционерам, всё же делает ставку на мирную работу среди народа с целью его просвещения и образования. Только на этом пути, по его убеждению, народ может обрести свободу. В отличие от революционных пропагандистов, Соломин знает нужды народа, умеет говорить с ним. И простые люди верят ему и глубоко его уважают. Устами одного из героев романа автор высказал мысль, что будущее принадлежит Соломиным:

«Это – не герои <...> это крепкие, серые, одноцветные, народные люди. Теперь только таких и нужно!» (4, 475-476).

Вместе с тем Тургенев прозорливо указывал, что изображённый в романе рабочий Павел должен стать будущим героем литературы.

«Быть может, – писал он сразу же после завершения работы над «Новью», – мне бы следовало резче обозначить фигуру Павла <...> будущего народного революционера, но это слишком крупный тип, – он станет со временем (не под моим, конечно, пером – я для этого слишком стар и слишком долго живу вне России) центральной фигурой нового романа. Пока я едва означил его контуры» (12, 498).

Роман «Новь» вызвал множество самых разноречивых откликов и суждений. Из критических оценок приведём лишь одну, но очень показательную.

В делах цензурного комитета сохранился протокол рапорта цензора Ведрова, в обязанности которого входило наблюдение за «Вестником Европы». В этом протоколе указывается:

«Цензор заявляет, что впечатление романа, преимущественно его второй половины и окончания, ложится тяжёлым гнётом на читателя; следя за революционным действием... читатель только на время остановлен в своём наблюдении

и окончательном суждении о романе, но не разочарован! Побуждение к народным движениям и материал их остаётся тот же; на них указывает сон, в который погружена Россия... Цензор не может отрешиться от мысли, что разрушительные начала движения в народ не изглаживаются самоубийством Нежданова... и карою, поразившею Маркелова, – эти начала коренятся в упорстве Соломина, устроившего на артельных началах завод в Перми... в неограниченной преданности этому делу Марианны, в чрезвычайной скрытности соучастницы Машуриной... в злой насмешке над Сипягиным... Даже после появления в свет начала романа... едва ли можно допустить в печать его окончание, так как в нём указывается только на раннее, несвоевременное движение в народ, а не на отсутствие горячих материалов» (4, 507).

Сам того не желая и не осознавая, цензор дал в сущности очень высокую оценку роману.

Заканчивая разговор о романах Тургенева, скажем, что все они носят исторический характер. Правда, в отличие от собственно исторических романов, это не произведения о прошлом. В них нет и прямого изображения исторических событий и лиц, но эти события и лица являются общим фоном, на котором происходит действие. Тургенев также не выводит известных реальных исторических деятелей, таких как Чернышевский, Добролюбов, Огарёв и др., но показывает людей их склада, их психологии, рядовых деятелей движения, а не вождей.

В этом смысле о произведениях Тургенева можно сказать теми же словами, как сказал В. Г. Белинский о пушкинском романе в стихах.

«<...> В «Онегине» мы видим поэтически воспроизведённую картину русского общества, взятого в одном из интереснейших моментов его развития. С этой точки зрения «Евгений Онегин» есть поэма *историческая* в полном смысле слова, хотя в числе её героев нет ни одного исторического лица. Историческое достоинство этой поэмы

тем выше, что она была на Руси и первым и блистательным опытом в этом роде»⁸².

Романы И. С. Тургенева – это исторические романы о том времени, в котором он жил.

Лебединая песня

«Стихотворения в прозе» с подзаголовком «Senilia» (*старческое* – лат.) создавались в последние годы жизни Тургенева (1878 -1882) и стали заключительным аккордом его литературной деятельности, его лебединой песней.

Лев Толстой писал:

«Я думаю, что каждый большой художник должен создавать и свои формы. Если содержание художественных произведений может быть бесконечно разнообразным, то также и их форма»⁸³.

В «Стихотворениях в прозе» Тургенев создал свою оригинальную художественную форму. Правда, приблизительно одновременно с ним и чуть раньше его в таком жанре писал французский поэт Шарль Бодлер, у которого есть «маленькие поэмы в прозе».

Что же такое стихотворения в прозе? Это особый жанр литературы, промежуточное явление между эпосом и лирикой, поэзией и прозой. Они невелики по объёму, содержание их в высшей степени поэтично, но написаны они прозой. Можно сказать, что это произведение поэтическое по содержанию и прозаическое по форме.

Вот какое определение этого жанра дано в «Литературном энциклопедическом словаре»:

«Стихотворение в прозе – лирическое произведение в прозаической форме; обладает такими признаками лирического *стихотворения*, как небольшой объём, повышен-

⁸² Белинский В. Г. Собр. соч. В 3 т. Ук. соч. – Т. 3. – С. 496.

⁸³ Гольденвейзер А. Б. Указ. соч. – С.116.

ная эмоциональность, обычно бессюжетная композиция, общая установка на выражение субъективного впечатления или переживания, но не такими, как метр, ритм, рифма. Поэтому не следует путать стихотворение в прозе с формами, промежуточными между поэзией и прозой именно по метрическим признакам, – с *ритмической прозой и свободным стихом*. Форма стихотворения в прозе в европейской поэзии сложилась в эпоху романтизма <...>, первым образцом стихотворения в прозе принято считать книгу А. Бертрана «Гаспар из тьмы» (изд. 1842) <...>. Широкого распространения жанр не получил»⁸⁴.

«Стихотворения в прозе» Тургенева – это размышления пожилого человека о прожитой жизни, своего рода подведение итогов. Многие стихотворения проникнуты грустным, а порой даже трагическим настроением, причиной которого были и неизлечимая болезнь писателя (рак позвоночника), и его мрачные думы о приближающемся конце жизни, и эпоха страшной политической реакции в России, последовавшей за убийством народовольцами царя Александра II.

Следует отметить, что писатель создавал свой цикл для самого себя и для небольшого кружка людей. В 1878 году он писал М. М. Стасюлевичу:

«Любезнейший Михаил Матвеевич, в числе различных неожиданностей, выпавших на мою долю в последнее время, не последнее место занимает переложение г-м Андреевским моего отрывка «Довольно» – на стихи⁸⁵. Стихи эти большею частью очень звучны и красивы – у г. А. несомненно талант – но я всё-таки убедительно прошу и его и Вас не печатать их <...> и не потому, что считаю его плохим, – а потому, что в нём выражены такие личные воспоминания и впечатления, делиться которыми с публикой не было никакой нужды. Я всегда, как Вам известно, старался быть, по мере возможности, объективным в том, что я делал: а тут такая “субъективщина”, что беда!»

⁸⁴ Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С. 425.

⁸⁵ Стихотворение было напечатано в «Вестнике Европы» уже после смерти Тургенева (1884, № 1).

Иван Сергеевич достаточно продолжительное время искал название своему творению. Вначале озаглавил его «Posthuma», т.е. «Посмертное», не имея намерения публиковать при жизни. Затем возникло название «Senilia», т.е. «Старческое». Только в сентябре 1882 года он окончательно остановился на названии «Стихотворения в прозе».

«Стихотворения в прозе» состоят из двух разделов: «Senilia» и «Новые стихотворения в прозе». Первый раздел (51 стихотворение) был напечатан в журнале «Вестник Европы» (1882, № 12). «Новые стихотворения в прозе» при жизни Тургенева не печатались, а были впервые опубликованы в Париже в 1930 году.

Основной мотив цикла – соотношение жизни и смерти. Что сильнее: жизнь или смерть? В одних стихотворениях сильнее звучит мотив смерти, например, в «Последнем свидании», в основу которого был положен подлинный факт жизни автора: его последняя встреча с умирающим Некрасовым. В других – наоборот, сильнее мотив жизни («Воробей», «Мы ещё повоюем»). Тема жизни может трансформироваться и в тему самоотвержения, подвига («Порог»).

В этих последних произведениях Тургенев часто повторяет свои старые идеи и мотивы. По содержанию, стилю и тону многие стихотворения в прозе представляют собой как бы вариации на темы прежних произведений Тургенева, их отголоски. Некоторые восходят к «Запискам охотника» («Щи», «Маша», «Два богача»), другие – к повестям о любви («Роза»), иные – к романам («Как хороши, как свежи были розы...», «Стой!»).

Тема родины и исторической судьбы русского народа – основная тема в творчестве Ивана Сергеевича – в последние годы его жизни становится для него особенно близкой и волнующей. В стихотворении «Русский язык» – последнем стихотворении раздела «Senilia» – с необыкновенной силой выразилась и любовь Тургенева к родине, к родному языку и его вера в великое будущее русского народа.

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь

тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» (8, 507).

«Русский язык» – это как бы завещание писателя потомкам.

С темой родины у Тургенева неразрывно связана тема родной природы. В этом цикле он создал несколько неповторимых шедевров, одним из которых – стихотворением «Деревня» – он открывается.

«Последний день июня месяца; на тысячу вёрст кругом Россия – родной край». (8, 455).

А одним из лучших, наиболее известных и наиболее совершенных по форме является «Как хороши, как свежи были розы...».

Некоторые фрагменты тяготеют к определённым жанрам, например, к элегии, преданию, утопии, видению, притче, легенде, эпиграмме или сатирическому очерку-портрету диалогу, гимну, но в чистом виде упомянутые жанры относительно редки.

«Стихотворения в прозе» – отражение исканий, раздумий, противоречивых мыслей, тяжёлых переживаний, последних лет жизни автора. Это наиболее интимная исповедь Тургенева. То, что Тургенев осуществил, – это превосходные, законченные художественные произведения, достойно увенчавшие жизненный и творческий путь одного из величайших русских писателей.

Тургенев умер 3 сентября 1883 года во Франции, в предместье Парижа Буживале, где он долгие годы жил вместе с семьёй Полины Виардо. Незадолго до смерти он высказал пожелание быть похороненным в Петербурге, на Волковом кладбище, рядом с Белинским. Его последняя воля была выполнена.

Смерть Тургенева была воспринята как всеобщее, всенародное горе. Тысячи людей пришли проводить писателя в последний путь. На его смерть откликнулась и русская, и зарубежная печать, многие прозаики и поэты. Л. Н. Толстой в

письме к А. Н. Пыпину от 10 января 1884 года так определил значение Тургенева в литературе:

«Тургенев – прекрасный человек <...> воздействие Тургенева на нашу литературу было самое хорошее и плодотворное. <...> Он не употреблял свой талант (уменье хорошо изображать) на то, чтобы скрывать свою душу, как это делают и делают, а на то, чтобы всю её выворотить наружу. Ему нечего было бояться. По-моему, в его жизни и произведениях есть три фазиса: 1) вера в красоту (женскую любовь – искусство). Это выражено во многих и многих его вещах; 2) сомнение в этом и сомнение во всём. И это выражено и трогательно, и прелестно в “Довольно”, и 3) не формулированная как будто нарочно из боязни захватить её (он сам говорит где-то, что сильно и действительно в нём только бессознательное) ... двигавшая им в жизни и в писаниях вера в добро – любовь и самоотвержение, выраженная всеми его типами самоотверженных»⁸⁶.

Приведём отклик другого современника Тургенева – очень популярного в то время поэта С. Я. Надсона:

*Тревожные слухи давно долетали;
Беда не подкралась к отчизне тайком, –
Беда шла открыто, мы все её ждали,
Но всех взволновал разразившийся гром:
И так уж немного вождей остаётся,
И так уж безлюдье нас тяжело гнетёт,
Чьё ж сердце на русскую скорбь отзовется,
Чья мысль ей укажет желанный исход?
Больной и далёкий, в последние годы
Немного ты дал нам, учитель и друг:
Понять наши стоны и наши невзгоды
Тебе помешал беспощадный недуг.
Но жил ты – и верилось в русскую силу,
И верилось в русской души красоту, –
Сошёл, побеждённый страданьем, в могилу, –
И нет тебе смены на славном посту. (1883)*

⁸⁶ Толстой Л. Н. О литературе. – М.: ГИХЛ, 1955. – С. 180-181.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Тургенев И. С.* Собр. соч. В 12 т. – М.: ГИХЛ, 1953-1958.
- Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. В 28 т. – Письма. – М.; Л.: Наука, 1963.
- Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. В 30 т.– 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1988.
- Тургенев без глянца / сост., вступ. ст. П. Фокина. – СПб: Амфора. ТИД Амфора, 2009. – 492 с.
- И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2 т. – М.: Худ. лит., 1983. (Серия литературных мемуаров).
- Тургенев в русской критике: Сб. статей / Вступ. статья и примечания К. И. Бонецкого. – М.: ГИХЛ, 1953. – 580 с.
- Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике: Сб. статей / сост., авт. вступ. статьи и коммент. Сухих И. Н. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
- В. П. Боткин и И. С. Тургенев.* Неизданная переписка. – М.; Л., 1930. – С.264.
- Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. – Женева, 1892.
- Анненков П. В.* Литературные воспоминания. – М.: Худ. лит., 1983. – 694 с.
- Белинский В. Г.* Параша // Белинский В. Г. Собр. соч. В 3 т. – М.: ГИХЛ, 1948. – Т.2. – С. 556-570.
- Белинский В. Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года. // Белинский В. Г. Собр. соч. В 3 т. Ук. соч. – Т. 3. – С.766-845.
- Бялый Г.* Русский реализм. От Тургенева к Чехову: Монография – Л.: Сов. писатель, 1990. – 640 с.
- Бялый Г. А.* И. С. Тургенев и русский реализм. – М.; Л: Худ. лит., 1962. – 245.
- Бялый Г. А.* Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». – М.; Л: Гослитиздат (Лен. отделение), 1963. – 138 с.
- Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. – М.: ГИХЛ, 1959. – 488 с.
- Горький М.* История русской литературы. – М.: Худ. лит., 1939. – 340 с.

Добролюбов Н. А. Когда же придёт настоящий день? // Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 3 т. – М.: ГИХЛ, 1952. – Т. 3. – С. 28-69.

Есин А. Б. И. С. Тургенев «Отцы и дети» // Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. – М.: Просвещение, 1988. – 176 с.

Муратов А. Б. Тургенев после «Отцов и детей». – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1972. – 144 с.

Недзвецкий В. Русский роман XIX в.: спорные и нерешённые вопросы жанра. – М., 2013.

Недзвецкий В. А. И. С. Тургенев: логика творчества и менталитет героя (в соавт. с Е. Ю. Полтавец и П. Г. Пустовойтом). – М., 1998.

Некрасов Н. А. Заметки о журналах за февраль 1856 года // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. – М.: Гослитиздат, 1950. – Т. 9.

Панаева А. Я. (Головачёва). Воспоминания / Вступ. статья, ред. и коммент. К. И. Чуковского. – М.: ГИХЛ, 1956. – 448 с. (Серия литературных мемуаров).

Писарев Д. И. «Дворянское гнездо». Роман И. С. Тургенева // Писарев Д. И. Соч. В 4 т. – М.: ГИХЛ, 1955. – Т. 1. – С. 18-33.

Писарев Д. И. Писемский, Тургенев и Гончаров // Писарев Д. И. Соч. В 4 т. Указ. соч. – Т. 1. – С. 192-230.

Писарев Д. И. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Писарев Д. И. Соч. В 4 т. Указ. соч. – Т. 1. – С. 231-273.

Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев – художник слова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 304 с.

Толстой Л. Н. о литературе. – М.: ГИХЛ, 1955. – 764 с.

Толстой С. Л. Очерки былого / Общ. ред. и примеч. Т. Н. Волковой. Вступ. ст. Н. П. Пузина – 4-е изд., испр. и доп. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1975. – 469 с.

Чернышевский Н. Г. Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. – М.: ГИХЛ, 1950. – Т. 5.

Шелгунов Н. В. Литературная критика. – Л.: Худ. лит. (Лен. отделение), 1974. – 416 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Факты биографии И. С. Тургенева	5
Периодизация творчества Тургенева	12
Раннее творчество	12
Ранние повести	24
Тургенев-романист	31
Тургенев после «Отцов и детей»	58
Лебединая песня	76
Список литературы	81

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ И. С. ТУРГЕНЕВА

Учебно-методическое пособие

Компьютерная верстка:
Л. М. Лосева

Подписано в печать 29.05.2017. Формат 60x84/16.
Объем 5 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ 17353.

Отпечатано в типографии факультета журналистики МГУ,
125009, Москва, ул. Моховая, 9